

П И О Н Е Р

Октябрь — Ноябрь

Издательство „Правда“ 1946 г.

10-11

Посмотрите на эту фотографию.

Кому из вас не вспоминается торжественный день в вашей жизни, тот пионерский сбор, когда вы стали пионерами и вам вручили пионерский галстук и значок?

Вот такой же торжественный сбор был в 214-й московской школе. В этот день пионерам всей дружины вручали пионерские значки.

Три языка пламени на значке слиты воедино. Это символ нерушимой связи трёх поколений: коммунистов, комсомольцев и пионеров, — борющихся за светлое будущее, за коммунизм. Нижние концы звезды опоясаны лентой с пионерским девизом «Всегда готов!»

ВСЕГДА ГОТОВ быть достойной сменой комсомола!

ВСЕГДА ГОТОВ жить и учиться так, чтобы стать достойным гражданином своей социалистической Родины!

ВСЕГДА ГОТОВ к труду и борьбе за великое дело Ленина—Сталина!

Об этом говорит пионерский значок. В этом клянется многотысячная пионерия нашей страны, принимая его на рук своего старшего брата — комсомола.

На снимке: пионеры отряда 6-А класса на торжественной линейке. Старшая вожатая Гали Белякова прикалывает значок председателю совета отряда, Юре Мельникову.

Фото Е. Тиханова

Ленин и Сталин.

Рис. П. Васьпльева

В дни Октября

А. С. Аллилуева

Двадцать девять лет тому назад наша страна вступила в новую жизнь. Рабочие и крестьяне взяли власть в свои руки. О днях борьбы за победу революции, о незабываемых великих днях Октября рассказывают эти страницы из книги Анны Сергеевны Аллилуевой «Воспоминания». Анна Сергеевна — дочь рабочего-большевика, старого подпольщика, ученика и соратника Сталина. Жизнь всей семьи Аллилуевых была тесно связана с революцией. Это была жизнь, полная труда и опасности, целеустремлённая, чистая, целиком посвящённая освобождению народа.

В 1917 году Аллилуевы жили в Петрограде. В их квартире некоторое время скрывался от преследований Временного правительства Ленин, вернувшийся из эмиграции, чтобы руководить революцией. В их квартире поселился Сталин. Образы великих вождей революции, образы балтийских моряков и питерских рабочих, мужеством которых восхищался Сталин, живые картины революционного Петрограда встанут перед нами в воспоминаниях А. С. Аллилуевой.

С утра, выпив с нами чаю, Иосиф Виссарионович уходил на весь день. Не каждую ночь удавалось ему вернуться домой, к себе в комнату. Часто и папа не почевал дома. Вечерами в столовой мы с Надей подолгу поджидали их обоих.

Я теперь работала в Смольном. Мы знали — силы большевиков прибывают. Вернувшись к вечеру домой, я говорила об этом с Надей. Она нетерпеливо расспрашивала:

— Кто выступал сегодня? Кого ты слышала, о чём говорят товарищи?..

...Я не всегда могла удовлетворить законное надоевшее любопытство. За будничной, канцелярской работой в одном из отделов Смольного трудно было мне ухватить всё главное, что совершалось вокруг. Тем нетерпеливей поджидали мы обе

возвращения своих. Мы торопились узнать правду о новом, сегодняшнем.

О заводах Выборгской, Васильевского, Невской заставы рассказывал отец. Всё уверенней говорил он о том, как возрастает влияние и авторитет рабочих-большевиков. Подробно о заводских событиях расспрашивал отца Иосиф Виссарионович. Он вникал во всё, советовал отцу, как поступать дальше, говорил, какими словами надо вернее бить маловеров, колеблющихся.

Мы слушали беседы Сталина. Огромное совершаемое большевиками дело становилось осязательным, понятней.

Иногда Сталин не появлялся несколько дней. Мы поджидали его и долго не укладывались спать. Бывало так, что, когда мы уже терпели

Надежду и ложился в постели, в дверь к нам неожиданно стучал кто-то.

— Неужели спите? — слышали мы голос Сталина. — Поднимайтесь! Эй, вы, сыны! Я тарани привёс, хлеба...

Мы вскакивали и, накинув платья, бежали в кухню готовить чай. Часто, чтобы не будить спавших в столовой отца и маму, мы собирались в комнате Сталина. И сразу становилось шумно и весело. Сталин шутил. Карикатурно, иногда зло, иногда добродушно, он изображал тех, с кем сегодня встречался...

...Были у него свои шуточные любимые прозвища. Если он был в особенно хорошем настроении, то разговор с нами он пересыпал обращением: «Епифаны-Митрофаны».

— Ну как, Епифаны? Что слышно? — спрашивал он.

Добродушно вышучивая кого-нибудь из нас или жура за неточно выполненное поручение, за какую-нибудь оплошность, он повторял: «Эх, Митрофаны вы, Митрофаны!»

Было у него ещё словечко: «Тишка». Он рассказывал, что дал такую кличку собаке, которую приручил в ссылке. Любил вспоминать об этом псе.

— Был он моим собеседником, — говорил Сталин. — Сидишь зимними вечерами, — если есть керосин в лампе, — пишешь или читаешь, а Тишка прибежит с мороза, уляжется, жмётся к ногам, урчит, точно разговаривает. Нагнёшься, потрепнешь его за уши, спросишь: «Что, Тишка, замёрз, набегался? Ну грейся, грейся!»

Рассказывал он, как в длинные полярные вечера посещали его приятели-остяки:

— Один приходил чаще других. Усядется на корточки и глядит, не мигая, на мою лампу-молнию. Точно притягивал его этот свет. Не проронив ни слова, он мог просидеть на полу весь вечер. Время от времени я давал ему пососать мою трубку. Это было для него большой радостью. Мы вместе ужинали мороженой рыбой. Я тут же строгал её. Голову и хвост получал Тишка.

Рыбу Сталин сам добывал, запасая её с тёплых дней. Но и зимой приходилось пополнять запасы. В прорубях устанавливали снасти, вещами отмечая путь к ним. Однажды зимой он с рыбаками отправился проверить улов. Путь был не близкий — за несколько километров. На реке разделились. Сталин пошёл к своим снастям. Улов был богатый, перекинув через плечо тяжёлую связку рыбы, Сталин двинулся в обратный путь. Неожиданно завьюжило. Начиналась пурга. Мгла полярной ночи становилась непроницаемой. Крепчал мороз. Ветер хлестал в лицо, сбивал с ног. Связка замёрзшей рыбы тяжелее давила на плечи, но Сталин не бросал пошу. Расстаться с ней — значило обречь себя на голод. Не оста-

навливаясь, борясь с ветром, Сталин шёл вперёд. Ветек не было видно — их давно замело снегом. Сталин шёл, но жильё не приближалось. Неужели сбился с пути?

И вдруг, совсем рядом, показались тени, слышались голоса.

— Го-го-го! — закричал он. — Подождите!..

Но тени метнулись в сторону и исчезли. Голоса смолкли. В шуме вьюги он только слышал, как ударялись друг о друга замёрзшие рыбы за его плечами. Теряя силы, он всё же продолжал идти вперёд. Остановиться — значило погибнуть. Пурга всё бушевала, но он упрямо боролся с ней. И когда казалось — надеяться уже не на что, послышался лай собак. Запахло дымом. Жильё! Ощупью добрался он до первой избы и, ввалившись в неё, без сил опустился на лавку. Хозяева поднялись при его появлении.

— Осиц, ты? — они в страхе жались к стене.

— Конечно, я. Не лешак же!

— А мы встретили тебя и подумали — водяной идёт. Испугались и убежали...

И вдруг на пол что-то грохнуло. Это отвалилась ледяная корка, покрывавшая лицо Сталина. Так вот почему шарахнулись рыбаки там, по пути. Обвешанный сосульками, в ледяной коре, он показался им водяным. Да ещё рыба, звеневшая за его плечами! Он не мог удержать смеха, глядя на остяков, смущённо окружавших его.

— Я проспал тогда восемнадцать часов подряд, — вспоминал он, рассказывая о пурге.

Иногда во время вечерних чаепитий в его комнате Сталин подходил к висящей этажерке у кровати и доставал томик Чехова:

— А хорошо бы почитать. Хотите, прочту «Хамелеона»?

«Хамелеон», «Унтер Пришибеев» и другие рассказы Чехова он очень любил. Он читал, подчёркивая неповторимо смешные реплики действующих лиц «Хамелеона». Все мы громко хохотали и просили почитать ещё. Он читал нам часто из Пушкина и из Горького. Очень любил и почти наизусть знал он чеховскую «Душечку».

— Ну, эта-то! Настоящая «душечка», — часто определял он чеховским эпитетом кого-нибудь из знакомых.

Рассказывая о самых больших, серьёзных событиях, он умел передать, подчеркнуть их смешную сторону. Его юмор точно и ярко показывал людей и события. Помню, как повторяли у нас дома его рассказ о заседании ЦК, на котором обсуждался вопрос о том, садиться ли Ленину под арест. Сталин изображал, как темпераментный Серго Орджоникидзе, хватаясь за несуществующий кинжал, восклицал:

Сталин в ссылке.

Рис. П. Баранова

— Гинжалом того колоть буду, кто хочет, чтобы Ильича арестовали!

Приятельски ровно уметь обходиться Иосиф Виссарионович с молодыми нашими друзьями, завсегдатаями дома, — федиными товарищами, моими и надиными подругами.

Как бы поздно ни возвращался домой Иосиф Виссарионович, он и после наших чаепитий и после бесед с мамой и отцом всегда усаживался за работу. Усталость, вероятно, брала своё, и, может быть, поэтому у Иосифа Виссарионовича выработалось обыкновение — прежде чем сесть за письменный стол, ненадолго прилечь на кровать. Дымя трубкой, он сосредоточенно и углублённо молчал, а потом неожиданно поднимался и, сделав несколько шагов по комнате, садился за стол. Как-то случилось, что Сталин задремал с дымящейся трубкой в руке. Проснулся он, когда комната уже наполнилась гарью: тлео одеяло, прожжённое огнём из трубки.

— Это со мной не впервые, — с досадой объяснил Сталин, — как ни креплюсь, а вдруг и задремлю...

* * *

Большевики, конечно, победят, и мы не сомневались в этом. Мы знали, что на Выборгской стороне, там, где продолжал жить дядя Ваня и куда мы часто заходили, рабочие открыто требуют передачи власти партии Ленина. Мы видели, как кипел наш Сампсониевский. Там слушали только большевистских ораторов. Меншевикам лучше было там не показываться.

— Вот скоро появится Ленин, — говорят на Выборгской. — Тогда всё будет иначе...

Но Ленин ещё не мог вернуться в Питер. Мы знали, что из Разлива он уехал в Финляндию. Уже перед самым Октябрьским переворотом как-то днём в квартиру позвонили. Я пошла открыть.

На пороге стоял невысокий человек в чёрном пальто и финской шапке. Безбородое лицо с короткими усами мне показалось незнакомым.

— Кого вам? — недоумевая, спросила я.

— Сталин дома?

И тут по голосу я узнала Ленина:

— Боже мой! Да вы, Владимир Ильич, настоящий финн!

— Здорово, правда? — Ильич рассмеялся. — Сталин дома? — ещё раз спросил он.

В переднюю выглянула мама. Она не могла удержать радостного взгласа:

— Да как же я рада! Владимир Ильич!.. Здравствуйте!..

Ильич обнял её, они расцеловались.

Сталин был дома и уже выходил в переднюю. Он из комнаты услышал голос Ильича. Мама пригласила обоих в столовую, предлагала поесть чего-нибудь. Ленин отказался. После короткой беседы он вместе со Сталиным ушёл из дома.

В напряжённой предоктябрьской жизни Смольного сходились нити того, что свершилось в вечер осеннего дня 25 октября; Ленин, ещё не показываясь открыто, невидимо присутствовал при выполнении своих указаний.

Сталина я видела в Смольном: домой он приходил ещё реже. Иногда звонил нам по телефону, который был внизу, в подезде.

— Зайду сегодня, — говорил он кому-нибудь из нас, кто спускался вниз на вызов швейцара, — может, удастся пораньше. Дома будете? — спрашивал он.

— Заходите обязательно, — просили мы его, догадываясь, что он не спал уже несколько ночей. — Приходите скорей.

— Постараюсь. Через час, может, буду.

Через час ему зайти не удавалось, но мы не расхожались спать, поджидая его.

Он был доволен, если заставал всех нас в столовой.

Дома, с нами, Сталин был по-обычному общителен, спокойно насмешлив.

— А мы уже волновались, — встречала его мама. — Почему вас так долго не было? Ведь время-то какое — не знаешь, что и думать.

Иосиф Виссарионович не упускал случая подтрунить.

— Зачем же волноваться? — притворно серьёзно отвечал он. — Это я должен беспокоиться. Ольга Евгеньевна. Какие вы там речи произносите в госпитале! Керенский вас давно должен схватить.

— Вы всё шутите, — не успокаивалась мама, — а вот посмотрите на себя, как похудели... Так тоже нельзя.

Но он продолжал отшучиваться, и под общий смех мама безнадежно махала рукой.

Часто Сталин говорил о замечательных, простых людях-интерцах — рабочих, моряках солдатах, — с которыми встречался. Он находил в них черты большого человеческого мужества, простоты, скромного героизма. Он рассказывал о поразившем его поступке или словах кого-нибудь из этих людей, повторяя:

— С такими людьми можно совершить всё...

Он умел и осуждать. Трусов, неверов, предателей он клеймил короткими, жёсткими определениями.

Я помню, как он пришёл домой накануне Октября. Скинув с себя в передней кожаную куртку, — эту куртку и такую же фуражку он носил с начала осени, — Сталин прошёл к нам.

— А, Иосиф! — обрадовались мы.

Мама торопилась покормить его. Привиднув стакан чая, Сталин заговорил с отцом о том, что происходит в городе. Он выслушал отца, а потом сказал очень спокойно:

— Да, всё готово! Завтра выступаем. Все части в наших руках. Власть мы возьмём...

После Октября, после того, как усилиями Ленина и его соратников была установлена народная власть, Сталин пришёл домой такой же спокойный. О событиях 25 октября он рассказывал, восхищаясь мужеством людей, смелостью, величием совершённого ими.

Он подробно рассказывал, как заняли телефонную станцию балтийские моряки.

— Шли, как железные... Из окон по ним палят юнкера, пули косят одного за другим, а они идут, не дрогнув... Молодцы, молодцы! Вот это настоящие русские люди!

Рассказывал о моряках ещё и ещё. О горсточке кронштадтцев, завладевших броневиком.

— Из броневика строчит пулемёт, команда оттуда рвётся напролом, — так передавал он этот эпизод, — а матросы не отступают — окружали машину, гремят: «Ура, ура!» В броневике расстреляны. И сдались. Вся команда сдалась в плен.

И опять повторил:

— Молодцы, молодцы!

В Смольный сообщали: к Зимнему, где засело Временное правительство, идут вооружённые рабочие, движутся части питерского гарнизона. Штурм Зимнего начинался.

А вечером в Смольном должен открыться II съезд советов. Уже известно, что большинство делегатов съезда — большевики. В Смольный они прибывают отовсюду, — это всё рабочий люд и крестьяне. Я смотрю на делегатов, говорю с ними, указываю, куда им пройти. Внутреннее моё возмущение переходит в уверенность: мы победим. Я уже знаю, что Ленин в Смольном. Он выступает на фракции большевиков.

В Смольный на открытие съезда я обещала взять Надю. Я должна пробраться домой и с Надей вернуться обратно. В сумерках мне удалось выбраться на улицу. Я бегу, сжимая в кармане пропуск для Нади. Удивляюсь спокойствию улиц, их тишине и безлюдью. Моросит дождь. Осенний питерский ветер пронизывает насквозь.

Дома застаю Надю одну. Я тороплю её. На-скоро что-то ем, и мы выходим. Промозглая поч-

ная тьма кажется непроницаемой. Фонари не горят. Мы идём по трамвайным путям, дождь сменился снегом, и мокрые хлопья падают на нас. Кроме нас, на улице ни одного прохожего. Мы отходим уже далеко, когда впереди вырастает тень. Обгоняем её. Это какой-то старик, он шагает по рельсам. С ним рядом понуро плетётся собака. Палка старика гулко стучит по мостовой.

— Не укусит нас ваша собака? — спрашиваем мы, обрадовавшись попутчику.

— Не бойтесь, — говорит старик, — она не кусается. Куда же это вы, девушки, в такой темноте? Непокойно ведь в городе... У Зимнего, сказывают, бой идёт...

— По делу мы, дедушка, по делу...

Старик сворачивает в сторону, и в непроницаемой темноте мы опять остаёмся одни. Но вот мелькают огни. Мы близко от площади Смольного. Видны уже его окна, ярко освещённые изнутри.

Показываем наши пропуска часовому и входим. Сразу ослепляет свет, ошеломяют шум и движение людской толпы. Пробираемся к залу заседаний. Ищем знакомые лица. По возбуждённым голосам, по громким восклицаниям мы угадываем, что произошло что-то очень большое.

И неожиданно в толпе, движущейся нам на

встречу, узнаём Сталина. Он идёт, окружённый товарищами. Мы решаемся окликнуть его. Сталин останавливается и кивает нам:

— А, вы!.. Хорошо, что пришли! Слышали? Только что взят Зимний! Наши уже вошли в него!

А на другой день, вечером 26 октября, в Смольном на 2-м заседании съезда советов, я увидела Ильича. Как и накануне, шумели, гудели голосами залы и коридоры. В Колонном зале Смольного, где шло заседание, люди сидели повсюду, у дверей и в проходах стояли стеной.

Меньшевики ещё пытались выступить. Но зал не слушал их. Делегаты кричали с мест:

— Уходите, не мешайте!

Но вот Ленин, такой обычный, знакомый, в чёрном своём стареньком костюме, показывается на трибуне.

— Ленин, Ленин! — рукоплещут иступлённо делегаты.

Лица у всех радостно преображаются. Ведь они встречают Ленина после долгого его отсутствия, после того, как всё, предугазанное им, они свершили.

Наступает тишина. Ленин, своим неповторимым жестом вытягивая вперёд руку, начинает:

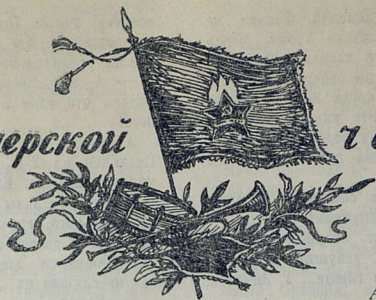
— Пролетарская революция в России свершилась!..

Штурм Зимнего.

О картины А. Кузнецова

о пионерской чести

Трижды Герой Советского
Союза гвардии полковник

Александр Покрышкин

ЗА ПИОНЕРСКИЙ ГАЛСТУК...

Когда я был пионером, в одном отряде случилась такая история: пришли пионеры на сбор, построились на линейку, и тут все увидели, что один пионер без галстука. Вожатый сделал замечание. Пионер смутился и сказал:

— Ах, да, я забыл... Сейчас... — вынул галстук из кармана и надел.

Ребята удивились. После рапорта вожатый спросил:

— Почему же всё-таки ты вздумал спрятать галстук?

Мальчик стал объяснять. На сбор ему надо ходить через квартал, где в подвале одного дома устроились беспризорники. Они встретили его, когда он шёл мимо. Чумазый, оборванный предводитель этих ребят загородил дорогу и сказал: «Эй, ты, франтик! Будешь ещё тут форсить своим галстуком, — прибьём. Ишь, вырядился! Ва-ажная птица!» Это было вчера. Сегодня надо было спешить на сбор, другой дорогой, в обход, идти долго, вот парень и сунул галстук в карман, а потом забыл надеть.

Красный галстук, частичка знамени, под которым рабочие сражались и умирали за революцию, за коммунизм, — символ пионерской чести! Спрятать в карман свою честь, словно носовой платок какой-нибудь! Ребята слушали и ушам не верили. У всех щёки горели от стыда. Поступок этот пятном ложился на весь отряд.

Ребята долго обсуждали происшедшее.

Мальчик стоял и чуть не плакал, но всё же, сдерживаясь из-за всех сил, сказал:

— Я пенял. Галстук в кармане носить не буду больше. Когда я прятал галстук, я просто

не подумал как следует, что означает такой поступок. Конечно, теперь все вправе считать, что я струсил. Но это не так, вы увидите.

После сбора всем отрядом стали советоваться: галстук парень больше не спрячет, другими уликами не пойдёт. Но нельзя же допустить, чтобы его поколотили! И ребята решили пойти вместе с ним. Он отказался, да ещё как рассердился, если бы вы только видели!

— Ни за что! Свой галстук я сам буду защищать, вы не должны вмешиваться.

Все поняли его, но всё же несколько пионеров пошло за ним следом. Беспризорники встретили их, и произошла драка. Беспризорников было больше, но пионеры не сдались.

Так продолжалось несколько дней. И знаете, чем всё это кончилось? Беспризорники вовсе не были убеждёнными врагами пионеров. Это были такие же дети рабочих, только жизнь у них сложилась горько, они потеряли родителей в гражданской войне. Они, в сущности, и не знали, что это за пионеры, а война, которую они объявили мальчику в красном галстуке, была просто озорством. Но когда они увидели его упорство и стойкость, постепенно вражда сменилась любопытством, смешанным с уважением. Захотелось узнать, понять: что же это такое?

И вот однажды, когда ребята шли знакомой улицей, на пути снова выросла взлохмаченная и грязная фигура предводителя. Сейчас раздаётся сигнальный свет... Ребята приготовились к очередной неравной схватке. Но сигнала не последовало. Беспризорник как-то сконфуженно и неловко протянул руку и, показывая на галстук, спросил:

— Почему вы так стоите за это? Ведь мы вас лущуем чуть не каждый день, а вы всё не опинаетесь... Какая вам выгода, а?

— Не из-за выгоды мы...

Начался разговор о пионерском галстуке. Все принесли на ближайшее крылечко...

На этом кончилась «война», и постепенно стала вырастать дружба. Однажды на сбор этого отряда явились пятеро гостей.

Все были рады им. А вскоре число беспризорников в Новосибирске уменьшилось на пять человек и ровно на столько же увеличилось число ребят в одном детском доме. Отряд долгу дружил с этими ребятами. Они тоже стали пионерами.

Так была восстановлена пионерская честь.

Это было давно. С тех пор прошло уже добрых два десятка лет. После меня и моих ровесников пионерские отряды воспитали ещё несколько поколений ребят, которые теперь — тоже взрослые люди, и многими из них гордится весь наш народ. Их имена известны и вам, ребята, нынешние пионеры.

Участник лананинского ледового дрейфа Герой Советского Союза Евгений Фёдоров был пионером. И партизанка Зоя Космодемьянская была пионеркой. И трудолюбивая стахановка хлопковых полей, с быстрыми и ловкими руками, Мамлакат Нахангова — тоже. Александр Матросов, Николай Гастелло, Шура Чекалин, Лиза Чайкина, молодые подпольщики Краснодона — все они раньше были пионерами. И все они, прославляя Родину своими подвигами, одни — в труде, другие — в бою, третьи — в науке, оставались пионерами. Ведь слово «пионер» издавна означает: человек, идущий впереди, показывающий правильный путь другим. Тот, кто с детства привык дорожить честью красного галстука, отрядного знамени, честью своего отряда, своего звена, тот и взрослым сумеет отстоять и прославить честь своего народа, родной Советской страны.

Пионерская честь! Я думаю, если спросить любого теперешнего пионера, дорога ли она ему, он, как и мы двадцать лет назад, ответит, не колеблясь: да. А вот все ли умеют на деле её защитить? На этот вопрос я сам отвечу: нет, не все умеют. Вернее, некоторые ребята мало заботятся об этом и в результате наносят урон высокому званию пионера-ленинца.

«Мы хорошие,
а он плохой»

зачались занятия в школе. Чистый, свежеемремонт

тированный класс... В нём три десятка ребят. Ещё несколько дней назад они помогали заканчивать ремонт школы: мыли, чистили, скребли, навели блеск. И вот один из мальчиков — у него красный галстук на шее — с увлечением рисует на белоснежном подоконнике домик, потом дерево, потом петуха и так далее. Все видят это. Здесь три десятка пионеров. Они в одном отряде с этим сзорником и неряхой. Десять из них в одном с ним звене. Всем не нравится то, что он делает. Всем ясно, что это — свинство, что это — не пионерское дело. Но почему-то никто не поднимает голоса и не говорит: «Перестань, не смей пакостить!» Все спокойно терпят это безобразие.

Ведь это он портит подоконник. Он плохой, а мы — хорошие, — думают и даже говорят при этом некоторые.

Но разве дурной поступок одного пионера не пятнает весь отряд, особенно если отряд видит это и не пытается помешать? А пионерский коллектив тем и силен, что в нём каждый поступок одного не безразличен для другого.

Пионерская честь требует: не будь равнодушным к ошибкам товарища. Если ты видишь, что твой товарищ поступает плохо, и не пытаешься остановить его, ты несколько не лучше, чем он. Ты роняешь своё достоинство. Правда, не ты совершил плохой поступок. Но ты не совершил хорошего. Ты стал молчаливым сообщником. А каждый поступок пионера должен быть таким, чтобы он служил для поддержания пионерской чести.

Александр Иванович Покрышкин в гостях у пионеров

«ВСЕ ЗА ОДНОГО — ОДИН ЗА ВСЕХ»

детстве мы любили халатчик. Нам нравились пожарные. У нас в Новосибирске на каланче была надпись, видная издали. Надпись эту я и до сих пор помню: «Все за одного — один за всех». Это — хорошее правило, это закон дружбы, взаимной выручки, это закон коллектива. Он удесяттерует силы его членов.

Если бы, например, мы, лётчики, в бою не стояли друг за друга, не действовали дружно, не выручали товарища в опасности, — у нас не было бы таких успехов в воздушной войне против фашистов. Когда мой самолёт, как молния, устремляется в атаку, я могу всё своё внимание сосредоточить на действиях, необходимых, чтобы сбить, уничтожить врага, потому что другой лётчик, идущий со мной в паре, зорко охраняет меня от нападения остальных, иногда многочисленных, вражеских машин, не даёт им зайти мне в тыл. Но выйдя из атаки, я прежде всего смотрю, где мой ведомый, не нужно ли помочь ему. Если, прикрывая меня, он вступил в бой, теперь я прикрываю его. Всё это иногда длится секунды, но роли опять меняются, но ни на десятую долю секунды в бою мы не забываем друг о друге. Мы — одно целое.

Правило «Все за одного — один за всех» делает сильными красноармейцев, идущих в атаку, лётчиков или танкистов, ведущих бой с противником, вчетверо, а то и в десять раз более многочисленным, советских людей, строящих новые заводы, покоряющих природу. До революции это правило помогало рабочим бороться за своё ос-

вобождение от власти царя, помещиков и капиталистов.

Это — хорошее и благородное правило, если его применяют люди, объединённые высокой, благородной целью. Но если его применять не для хорошего дела, — и правило перестанет быть хорошим. Я знаю, например, случаи, когда ребята стоваривались целым классом сбежать с последнего урока и считали плохими товарищами тех, кто остался и не ушёл со всеми.

По большей части ребята в таких случаях действуют «как все», даже если понимают, что неправильно убежать с урока.

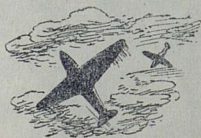
Надо ли поступать «как все», если ты убежден, что все неправы, а ты прав? Нет, не надо. Этого требует твоя честь.

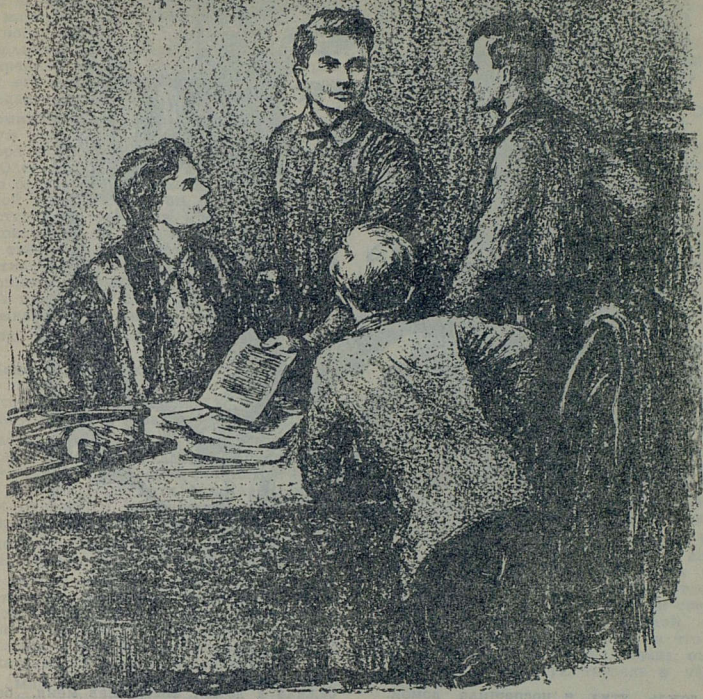
Значит, хорошо поступают те, которые остаются и «подводят» остальных? Хорошо, если они делают это открыто и смело.

Отстаивать свои убеждения надо мужественно и прямо, за правду надо стоять с высоко поднятой головой. Если ты считаешь, что с урока сбежать не следует, — не жди, пока все уйдут, чтобы после этого тайком вернуться в класс. Нет, имей смелость сказать товарищам: «Я не уйду с урока, потому что считаю это неправильным и бесчестным. Это — не пионерское дело. На мне красивый галстук, и я не запятнаю его».

Поступить так — значит выполнить свой долг, значит отстоять свою пионерскую честь.

Можно привести много примеров, как следует дорожить пионерской честью в учёбе, в труде, в поведении дома и на улице. Пусть каждый пионер сам задумается над этим и помнит, что пионерская честь должна соблюдаться в большом и в малом, на каждом шагу, потому что из малого складывается большое. Характер человека, гражданина великой Советской страны, складывается ещё тогда, когда он носит пионерский галстук и защищает честь своего отрядного знамени.

ПОВЕСТЬ О СЫНЕ

Елена Кошечая

Главы из книги

Рис. Ф. Лемкуля

Перевод с украинского А. Кравченко

1.

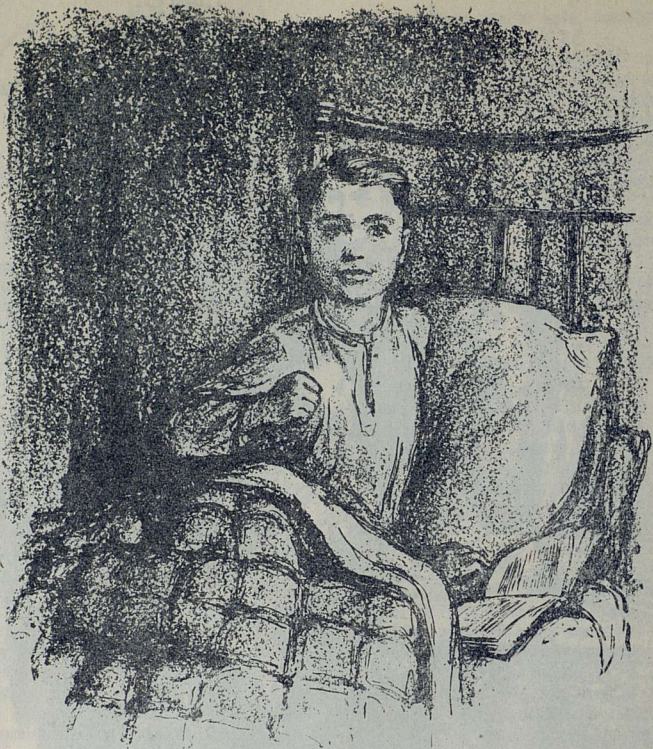
Когда Олег учился в младших классах, мы жили в Ржищеве, маленьком городке недалеко от Киева.

Олег очень любил природу и особенно Днепр и уже в девять лет переплывал его от берега до берега. Мальчик мечтал о

лодке, чтобы самому грести и ловить рыбу. Я обещала ему подарить лодку, если он будет хорошо учиться. Настало лето, Олег закон-

чил учебный год на «отлично», и я выполнила обещание. К этому времени он уже изготовил крючки, удилища, всякие сетки и перемёты. Вскоре он научился хорошо грести.

Припоминаю такой случай. Олегу тогда было девять лет. Мы с мужем ушли на работу, Олега оставили дома. К вечеру погода изменилась. Всё небо покрылось чёрными тучами. Поднялся резкий ветер, который перешёл вскоре в настоящую бурю. Он ломал деревья, срывал соломенные крыши, поднимал тучи пыли. А потом пошёл ливень. Потекли шумные потоки.

— Вот так Павка, вот это молодец!

Когда дождь утих, я поспешила домой. Я волновалась, так как знала, что Олег любит грозу. Прихожу — Олега нет дома.

— Где Олег? — спросила я у сестры.

— Не знаю, — ответила она, — я сама волнуюсь. Когда началась буря, он пошёл к Грише Задорожному и ещё не приходил.

Я немного подождала и пошла к Грише, но Олега там не застала.

Как выяснилось, он перед самой бурей прибежал к Грише, чтобы пригласить его идти на Днепр. Олег очень спешил: хотелось сесть в лодку, поехать на середину Днепра и, когда начнётся буря, побороться с пенистыми волнами. Кроме того в такую погоду, уверял Олег, хорошо ловится рыба: клюёт прямо без наживки.

Но Гриша отказался от опасной прогулки, и Олег, захватив крючки и перемёты, один ушёл к реке.

Это известие ошеломило меня. Ведь Олегу было всего девять лет. Не помню, как при-

бежала я домой. Выслушав меня, бабушка тоже переполошилась, и мы вдвоём кинулись разыскивать Олега. Побежали к Днепру. Когда мы добрались до реки, уже совсем стемнело. Буря утихла, и только ручейки после недавнего ливня шумно падали с высокого берега в Днепр. Я всматривалась в зловеющую ночную темноту и прислушивалась, надеясь услышать плеск вёсел.

— Олег! — позвала я во весь голос.

Но никто не отозвался.

Мы бегали по берегу, снова и снова звали Олега, но ответа не было. А сын в это время уже ждал нас дома. Я тогда так рассердилась на него, что и говорить с ним не могла. Только и сказала ему:

— За такой поступок ты две недели не пойдёшь в кино.

На другой день, когда я уже успокоилась, Олег признался мне во всём:

— Понимаешь, мамуля, я позвал Гришу на Днепр, а он не захотел идти, ну я и

пошёл один. Сел в лодку, а тут буря началась. Лодку бросало с волны на волну, мне казалось, что я борюсь со всем Днепром. Правда, я недалеко отехал от острова, а когда началась дождь, вытаски лодку на остров, перевернул её и устроился под ней. Там я и переждал дождь. После бури я снова поехал ловить рыбу. — Олег прижался ко мне и, хитро играя глазами, закончил: — Ты ж, мама, не знаешь, как хорошо рыба ловится после бури!

С большим увлечением отдавался Олег общественной работе в школе. Во втором классе его выбрали старостой, а потом он был редактором школьной газеты.

Вспоминая день вступления Олега в пионерскую организацию. Это было седьмого сентября 1935 года. В этот торжественный день Олег проснулся на рассвете и начал быстро одеваться. Вскоре я услышала из смежной комнаты, как он повторяет слова торжественного обещания. Голос у него был взволнованный, но каждое слово он выговаривал твёрдо и вдумчиво. Из школы Олег возвратился в новеньком красном галстуке, с сияющими глазами бросился он ко мне, обнял и поцеловал. С этого дня Олег никогда не забывал, что он пионер.

Помню, как Олег сказал мне тоном взрослого:

— Мамочка, а у нас теперь в доме два члена партии.

— Кто же это? — спросила я удивлённо.

— Бабушка и я, — важно ответил Олег.

Я рассмеялась. С моим объяснением, что пионеры — это ещё не члены партии и что он ещё сначала в комсомол вступит, а потом уже в партию, Олег хотя и согласился, но остался при своём мнении: пионер — также немножко партийный.

Когда Олег учился в пятом классе, у него уже был значок «Ворошиловского стрелка».

Олег был неплохим шахматистом. Кроме того он очень увлекался спортом. Позанимавшись, он выходил во двор, делал упражнения на турнике, а потом шёл играть с товарищами в футбол или волейбол. Зимой Олег катался на лыжах и коньках.

Олег много читал. Его любимыми писателями были Горький, Толстой, Шекспир, Гейне, Джек Лондон, Гёте, Котляревский, Короленко, Шевченко, Островский. Особенно большое впечатление произвёл на него Николай Островский. Именно этот писатель сыграл значительную роль в жизни Олега.

«Рождённые бурей» и «Как закалялась сталь» Олег прочитал на украинском языке, когда был учеником шестого класса. Он принёс книжку и сразу же начал читать. Все спали. Вдруг из соседней комнаты ко мне долетел громкий голос Олега. Что бы это могло быть? Мне даже стало как-то не по себе, ведь шёл уже третий час ночи.

Я вошла к нему в комнату и увидела следующее: лежит мой Олег на кровати и всё время повторяет: «Вот так Павка, вот это молодец!»

— Сын, ты что говоришь? — спросила я тихо. — Скоро уже утро, а ты не спишь.

Олег поднял на меня глаза:

— Ты, мамочка, не сердись. Я такую книжку читаю, такую интересную, что никак не могу оторваться. Но я сейчас буду спать, мамуля, я только об одном тебя прошу: завтра, когда я пойду в школу, будь добра, прочитай вот до этого места, хорошо? А потом мы будем читать вслух. Но дай мне слово, что ты дальше ни одной строчки не прочтёшь без меня!

Я взяла книжку, обещала выполнить его просьбу и ушла. Но спать я не могла: книга увлекала и меня. А дальше мы читали с Олегом вместе.

Когда мы закончили книжку, Олег спросил:

— Мама, можно ли стать таким выносливым, как Павка, таким терпеливым и закалённым, как сталь? Ты знаешь, я хотел бы во всём быть похожим на Павку!.. Делать то, что он делал, мне уже, наверно, не придётся. Корчагину смолodu пришлось много перетерпеть. Он с буржуями дрался и с немцами... Мы о такой жизни можем только в книжках прочитать. Но знаешь, мама, если бы на нашу Родину напали враги, я стал бы таким же непримиримым к ним, как Корчагин.

Олег не раз возвращался к этой теме, а когда в школе устроили диспут о книге «Как закалялась сталь», Олегу выпала большая честь быть докладчиком.

Во второй раз Олег прочитал обе книги Николая Островского весной 1941 года, когда была уже комсомольцем, учеником восьмого класса. Книги эти стали для него школой жизни и путеводной звездой, в мыслях он не разлучался с их героями. Наверно, и на смерть пошёл Олег, помня о них.

Олег часто наведывался в Киев. Он любил его большие парки над Днепром, его исторические памятники и музеи. Свои впечатления Олег записывал в дневник, где рядом с собственными его лирическими стихами были наблюдения над природой, описания экскурсий и прогулок. Всё, на что откликалась его впечатлительная душа, он записывал в свою толстую тетрадь в чёрной обложке.

2.

Мы переехали в Донбасс. Нам с Олегом он вначале не очень понравился. Его природа была куда беднее тех мест, где мы жили раньше. Олег скучал по ним. Перед глазами стоял живописный Ржищев с Соловьиной улицей над Днепром, кручи Канева, могучая река...

Но понемногу мы начали любить Донбасс. У этого внешне сурового края есть своя, только ему присущая

красота. Местность тут неровная, волнообразная, с несчётным количеством оврагов и степных могил. И над всем этим высятся чёрные деррики и башни копров.

Часто мы с Олегом и братом Николаем ходили в степь на прогулку. Я работала в детском саду шахты, в пяти километрах от Краснодона. Дорога туда шла степью. Чтобы доставить мне удовольствие и чтобы увидеть восход солнца, Олег почти каждое утро ходил провожать меня на работу. Бывало, ещё с вечера Олег уславливается со мной:

— Мама, разбудишь меня до восхода солнца?

— Ну что ж, разбужу, — отвечаю я.

На следующий день по росе мы отправлялись в дорогу. Заспанный мальчик старался держаться бодро и не обращать внимания на утренний холод.

Когда всходило солнце, мы уже были за селением, в степи.

С первыми лучами солнца на землю падал густой туман. Он не был похож на туман полтавских или киевских степей. Тот, серый и тяжёлый, оставлял после себя густую росу, а здесь туман был белый, даже слегка голубой, сухой, без единой росинки. Казалось, будто перед тобой безграничное море с валами белых волн, набегающих одна на другую, море, из которого высятся вершины дерриков и копров, похожие на плывущие корабли.

Олег любовался этим необыкновенным видом, любовался тем, как поднималось солнце, как туман оседал ниже, спускался только по оврагам и низинам и часам к шести пропадал совсем. Тогда перед нами открывался пышный степной простор с бесчисленным количеством полевых цветов. Олег забывал, что он уже большой мальчик, и бегал от цветка к цветку, собирая огромные букеты: один для детского сада, другой для бабушки.

Уже в первый год нашей жизни в Донбассе мы начали приводить в порядок наш двор. Весною, рано утром, мы выходили копать грядки для огорода и цветочные клумбы. Олег с дядей Николаем посадили фруктовые деревья, кусты сирени и роз. Олег любил работать. С раннего возраста я прививала ему вкус к работе. Он копал ямы, распушивал в них землю, удобрял её навозом, а потом кричал дяде: «Готово!» Николай приносил дерево, ставил его так, чтоб оно было на одной линии с другими деревцами, и говорил: «Сынь!» Олег орудовал лопатой легко, как будто играл ею, работал с увлечением, припевая. От одной ямы переходил к другой, третьей. Не обращая внимания на пот, который градом капал на лицо, он шутил с дядей, мечтал о будущем урожае, о первом яблоке на дереве.

Под вечер Олег помогал нам рассаживать цветы, а на огороде — капусту и помидоры.

На нашем огороде росло всё: огурцы, редис, лук, помидоры и картофель, — а весь двор украшали пышные шапки подсолнухов. Среди цветов и подсолнухов наш дом был как в веночке. А чтобы над нами пели птицы, чтобы было кому собирать на огороде вредных мошек и гусениц, Олег ранней весной прикрепил высокую жердь со скворешней, где вскоре поселились скворцы.

Олег всегда казался старше своих лет. В пятнадцать лет — довольно высокий, крепкий, хорошо сложенный — он уже был похож на юношу. Высокий лоб, светлые волосы, длинные и густые брови, большие, проникновенные глаза, с продолговатым разрезом и густыми ресницами, ровный нос, полные губы: вот портрет моего сына.

Он всегда был жизнерадостен, а смеялся так искренно и весело, что заражал других. Любил музыку, писал стихи. В 1940 году на художественной олимпиаде он получил за свои стихи премию — три книги. Эта победа Олега была нашей общей радостью.

Дружно мы жили с Олегом. У нас не было суровой официальности, какая бывает в некоторых семьях между родителями и детьми. Олег шутил, вёл себя с нами, как с друзьями, но никогда не выходил из рамок вежливости. Его шутки не были грубыми и никогда не оскорбляли старших. У Олега не было секретов и тайн, которые он скрывал бы от нас. Он делался со мной своими мыслями, потому что был уверен, что я всегда выслашаю его внимательно и дам искренний совет. За это Олег не только любил меня, но и уважал и не стеснялся сказать своим товарищам при случае:

— У меня мама — не только мама, а и мой товарищ.

3.

В конце 1940 года Олег стал комсомольцем. В тот памятный день он возвратился домой с собрания возбуждённый, счастливый и прежде всего показал нам всем свой членский билет. Мы поздравляли Олега, и я ему шутя сказала:

— Ну, теперь, сынь, ты уже действительно «немножко партийный».

В этот день у нас было шумно и тесно, собрались все олеговы друзья.

В июне 1941 года Олег перешёл в девятый класс. Летом он собирался провести родные места и вместе с бабушкой поехать сначала в Прилуки, а потом в Бердичев, где жила моя сестра Наталья. Начали готовиться в дорогу. Укладывали чемоданы, изучали расписание поездов. Олег мечтал даже по дороге заглянуть в Ржищев. Он уже представлял себе, как встретится со своими друзьями, вспоминал свою лодку, катанье по Днепру, песни...

И вдруг всё изменилось.

22 июня было воскресенье. В этот день, как всегда в выходной день, у Олега собрались товарищи и в комнате было шумно и весело. Разговаривали, кто-то завёл патефон, кто-то включил радио. Я работала в огороде около дома. Слышу, в комнате стало тихо. Дети замолчали. Голос, звучавший из радио, привлекал всеобщее внимание.

Вдруг из комнаты выбежал Олег:

— Мама, война! Немцы напали на нас!

Голос его срывался, лицо побледнело...

— Откуда ты взял? — спросила я недоверчиво.

— По радио, мама. Выступал Молотов.

Какое чувство охватило меня, трудно передать, я заплакала. Я оплакивала счастье, смех моего сына, радость его друзей.

— Что же теперь, сын мой? — спросила я беспомощно у Олега.

Он подошёл ко мне и нежно-нежно, как делал это маленьким, прильнула щекой к моей щеке:

— Успокойся, мама. Правда за нами. Мы победим...

О поездке Олега уже не могло быть и речи.

Но что делать? К чему приложить руки?

Олег скоро нашёл себе полезное дело: он вместе с другими школьниками пошёл в колхоз на полевые работы.

Наш город жил напряжённой жизнью. Рабочие записывались в народное ополчение, формировались истребительные батальоны, на фронт шло пополнение. Через некоторое время начали появляться над Краснодonom немецкие самолёты, а потом на головы мирных людей посыпались немецкие бомбы. Все учащались налёты, умирали под обвалами дети, горели дома, на смену счастью и благополучию шли тяжёлые дни и горе. Враг приближался к Краснодону.

* * *

Наступила первая военная зима.

Помню, как мы узнали о героическом подвиге Зои Космодемьянской. Олег первый развернул газету.

— Хотите, я прочитаю вам вслух? — обратился он к нам взволнованно.

Рассказ о подвиге Зои глубоко потряс Олега. Как он ни старался закрыть свои глаза газетой, я заметила в них слёзы. Закончив читать, он вздохнул и тихо сказала:

— Благородная душа! Настоящая комсомолка!

Некоторое время Олег сидел, опустив голову, задумчивый. Может быть, в это мгновение он представлял себе героический путь великой патриотки, а возможно, именно тогда его сердце загорелось огнём мести, который уже никогда с тех пор не угасал в его груди.

Вдруг он поднял голову, глянул на нас своим ясным взглядом и сказал взволнованно:

— Я бы тоже так сделал, если бы мне пришлось попасть в их руки. Я тоже остался бы до конца комсомольцем.

Долго в нашем доме говорили о Зое, о её героической смерти. Потом нам удалось услышать по радио выступление военной мамы. Слушая её рассказ о своей дочери, я не могла сдержать слёзы... А Олег вырезал из газеты портрет Зои, заботливо вставил его в рамку и повесил над своей кроватью.

4.

Стоял апрель. Немецкая орда как смерч двигалась на восток, неся с собой смерть и разрушение, заливая кровью цветущие украинские сёла и города. Славные доблассовцы снова формировались в рабочие батальоны, оставляли родные дома и вместе с Красной Армией отходили на новые рубежи, чтобы продолжать борьбу с врагом.

В Краснодоне началась эвакуация. В нашем доме тоже готовились в дорогу.

Перед самым отъездом тяжело заболела бабушка. Выяснилось, что у неё брюшной тиф. Это разбило все наши планы. Я никак не могла оставить больную мать. Оставалось одно: немедленно выехать брату с семьёй и Олегом. Для них и ещё для шести рабочих дали подводу. Договорились на воз уложить вещи, а самим идти пешком.

Олег сказал мне, прощаясь:

— Обо мне не беспокойся, мама. Будь уверена, что я найду себе дело. Я думаю, что мне лучше всего идти в армию или в партизаны. Недаром я выбивал 48 из 50 возможных. Теперь пригодится моё умение. Буду бить немцев изо всей силы.

Я волновалась за Олега, потому что знала: у него слово не разойдётся с делом. Но я всегда учила его быть непримиримым к врагу и так любить свою Родину, чтобы и жизнь за неё отдать, если это понадобится. Могла ли я теперь отступить от того, что сама ему привила?

Я молча обняла его, крепко и горячо поцеловала:

— Делай, сын, так, как тебе подсказывает твоя совесть.

Так остались мы с мамой в Краснодоне.

Настали особенно тревожные дни. Я всё время старалась не думать о самом страшном, что вот-вот могло случиться. В городе было пусто, казалось, что он вымер и мы с матерью остались одни. И правда, все, кто не уехал, попрятались в домах и, как страшную чуму, ждали врага...

Двадцатого июля 1942 года, утром, немцы вошли в Краснодар. Они были похожи не на солдат, а на бандитов с большой дороги.

К нам ворвались два ефрейтора и заявили, что здесь будет жить «большой офицер». Увидев на дверях портьеру, один из них кинулся к ней, сорвал и, смотав её, кинул в мешок. Другой схватил моё шёлковое платье и тут же изрезал его своими ножницами на косынки. Потом они бросились к буфету.

К вечеру уже весь Краснодар был переполнен немцами. В этот же день у нас поселился «большой офицер». Чегоданов и сундуков у него было столько, что некуда было их ставить. Чегоданами забили кладовую и коридор, в комнате было тесно от них. Среди награбленных вещей были даже самовар и половая щётка, и я убедилась, что квартиранту моему больше подходит название «большого грабителя», чем «большого офицера».

С тех пор как поселился у нас немец, мой дом стал мне чужим. Меня радовало только одно, что здесь нет сейчас ни Олега, ни брата с семьёй и что им не пришлось жить под одной крышей с врагом.

Но случилось то, чего никто не мог ожидать. 25 июля, в четыре часа дня, возвратились все наши рабочие, а с ними Олег и мой брат с семьёй. Как выяснилось, они смогли доехать до Новочеркасска, но дальше все пути уже были отрезаны.

Невесёлой была моя встреча с Олегом. Хмурый, почерневший от горя, молчаливый, он ходил, не находя себе места. То, что делалось вокруг, уже не поражаало, а страшным гнётом давило душу мальчика.

— Мама, если бы ты знала, мама... Это не люди, а какие-то чудовища, настоящие людоеды, мама!..

И, как будто желая найти защиту во мне от того страшного, что угнетало его, Олег, как ребёнок, прижался ко мне и рассказал о том, что видел по дороге: об убитой немцем женщине, о грудном ребёнке, которого немец схватил за ножки, ударил головой о дорогу, а потом переехал своим мотоциклом.

— Сколько буду жить, — столько и буду помнить! Никогда не забуду им этого! — поклялся мне взволнованный Олег.

Тяжёлые времена мы переживали. Мы не знали, что делается на фронте, где наши войска, что думает о нас Сталин, — жили, как в в большом концлагере. В то, о чём изо дня в день кричало немецкое радио, мы не верили. Немецкая пропаганда уверяла, что Ленинград в руках у немцев, что Сталин-

град также не выдержал натиска немецких войск, а мой Олег говорил:

— Врут! Нашей армии они не разбили. Живёт Красная Армия. Я сердцем чувствую. И от этих его слов становилось легче.

Немцы безжалостно грабили население, забирали хлеб и скот и вывозили в Германию. Огромные самолёты, набитые зерном, пролетали над Краснодаром, где люди пухли от голода. А потом стали угонять молодёжь в немецкую неволю. Плачем и стоном наполнялась украинская многострадальная земля.

В августе 1942 года в городском парке немцы живыми закопали в землю пятьдесят восемь человек, среди них были женщины и дети. Их заставили выкопать яму, стать в неё и, связав каждой пятёрке проволокой

руки, начали засыпать землёй. От начала мира народ ничего подобного не видел!

Мы слышали стоны, детский плач и гневный мужественный голос коммуниста Валько, который, умирая, посылал проклятья на головы немецких душегубов.

Сжав кулаки, Олег сказал:

— Нет, нельзя больше терпеть! Слышишь, мама, как гибнут наши люди? Коммунист Валько зовёт к мести!

Я без слов подошла к моему честному и справедливому мальчику и обняла его. Он это воспринял как моё благословение и вдохновенно сказал:

— Знаешь, мама, есть такое изречение: «Храбрый умирает один раз, но с честью, а трус — много раз». Я буду бороться за освобождение своей Отчизны и, если нужно, погибну честно, как комсомолец!

Через несколько дней после того страшного преступления немцев в городском саду Олег от слов перешёл к делу.

Помню, я зашла в комнату и увидела за столом Олега, брата Николая, Ваню Земнухова и Анатолия Попова. Они склонились над какими-то бумагами и что-то молча писали. Заинтересовавшись, я подошла ближе. В первую минуту они смутились, кое-кто даже спрятал от меня свои бумажки, но Олег, тепло улыбнувшись, сказал:

— Мамы не бойтесь, товарищи. Мама — мой первый советчик, — а потом, показывая мне одну из бумажек, сказал: — Хотим раскрыть людям глаза. И подбодрить хотим. На борьбу поднять.

Листовки призывали население не выполнять немецких распоряжений, сжигать хлеб, который немцы готовят к отправке в Германию, при удобных случаях убивать немцев и полицейских и прятаться от принудительного угона в неволю.

Я одобрила благородный почин:

— Хорошо, ребята, делаете! Только смотрите, будьте осторожны, потому что за неосторожность головами полагаетесь.

На следующий день я узнала, что все листовки были очень удачно распространены. Даже двум полицейским всунули их в карманы. И с этих пор распространение листовок стало каждодневной работой наших конспираторов.

В конце августа Олег достал у одного инженера радиоприёмник. Мы сначала сами слушали Москву. Олег записывал радиопередачу и передавал её товарищам, а те размножали в десятках экземпляров и расклеивали по городу. Таким образом, население каждый день читало свежие сообщения Советского Информбюро, а также другие новости с Большой земли.

Для полиции и гестапо увеличилась работа. Полицейские бегали по городу, как собаки, чтобы как можно быстрее срывать листовки, хотя бы на центральных улицах. Срывать листовки им, конечно, удавалось, но не удавалось вырвать из сердца то, что люди узнавали из этих листовок.

Павел Корчагин и теперь был любимым героем Олега. В тяжёлые минуты он брал с этажерки книгу «Как закалялась сталь»

и ещё раз перечитывал. А когда кто-нибудь из товарищей, бывало, опечалится, Олег даст такому слабому духом дорожную книгу, герой которой может быть образцом поведения для каждого комсомольца.

Позже, когда вокруг Олега объединились немалый кружок преданнейших друзей, Олег часто читал Островского вслух. Горячие слова Островского, которые Олег произносил с особым вдохновением, я знаю теперь наизусть. Вот они:

«Самое дорогое у человека — это жизнь. Она дается ему один раз, и прожить её надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы, чтобы не жёг позор за подленькое и мелочное прошлое и чтобы, умирая, смог сказать: вся жизнь и все силы были отданы самому прекрасному в мире — борьбе за освобождение человечества».

И, как бы дополняя эту мысль своего любимого писателя, Олег добавляла:

— Лучше смерть в бою, чем жизнь в неволе!

7.

Однажды Олег возвратился домой очень взволнованный. Как выяснилось, он был свидетелем нечеловеческого издевательства немцев над нашими пленными. Он видел, как их гнали по городу, как били, как добивали обессиленных голодом.

— И они кичатся своей культурой! — говорил Олег тихо, как будто разговаривал сам с собой. И вдруг загорелся, сверкнул глазами и сказал гневно: — Звери, а не люди! Бешеные звери! И будет вам жарко теперь! Мама, я знаю, что делать!

Он говорил с такой запальчивостью, с такой страстью, как будто обращался не ко мне одной, а ко всему народу, призывая его к беспощадной борьбе с врагом.

Слушая сына, я понимала, что мой Олег — уже не наивный подросток, который мечтал о романтических подвигах своих любимых героев. Нет, Олег распрощался с мечтой, перед ним была далеко не романтическая действительность, с которой нужно было вступить в смертельную борьбу. Горе, которое выпало на долю нашего народа, сделало Олега на много лет старше. Он стал взрослым, стал бойцом.

Об этом говорило и его поведение: Олег приходил домой поздно ночью, стал молчаливым, избегал откровенных разговоров со мной. Одним словом, он вёл себя, как взрослый человек, у которого свои заботы, своё горе и своя радость.

Я внимательно следила за его настроением. Мне не раз хотелось заглянуть в его душу, но как я могла это сделать? Мы привыкли уважать друг друга, и я не имела права врываться в его мысли, если он этого не хотел.

Но вот настало время, когда я снова стала его близким другом и советчиком.

Олег возвратился домой возбуждённый, закрыл плотно за собой дверь, потом оглянул комнату и взволнованным голосом заявил мне:

— Ну, мама, поздравь меня: я принял призыв и поклялся, что буду до последнего вздоха бороться с немцами. У нас уже есть своя организация — «Молодая гвардия».

Долго мы в тот вечер говорили с Олегом. Он рассказывал мне о плане своей организации, о намеченной цели, о характере борьбы. Я сказала сыну, что путь, на который он становится, очень опасен, что на каждом шагу его может подстеречь смерть и что тогда принять её нужно мужественно, как и надлежит борцам за освобождение Отчизны.

И вот как ответил мне Олег:

— Mamочка, если придётся умереть, так я это сумею сделать. Я умру, как воин, — ты не бойся за меня.

Мне стало ясно, что Олег готов к борьбе. Несмотря на свои шестнадцать лет, он уже созрел для неё и ясно сознавал всю сложность и ответственность взятых на себя обязательств. И как ни тяжело мне было в этом признаться, как ни щемило моё сердце, я теперь видела, что отныне жизнь сына принадлежит уже не мне и что смертельная опасность — его спутник на каждом шагу... Но я не остановила его. Не кинула на грудь, чтоб слезами и мольбами заставить сойти с выбранной дороги, не схватила за руку, чтобы не пустить из дому, спрятать от всех, от товарищей и борьбы. Несмотря на безграничную любовь к своему единственному сыну, я всё же решила всеми силами помогать ему.

Олег получил конспиративное имя «Кашук».

От своего милого Кашука я узнала о дальнейших планах организации. Совсем незаметно для самой себя я втянулась в её деятельность. Ребяти не только не боялись того, что я хорошо знакома с их планами, наоборот, — охотно пользовались моими услугами и не раз поручали мне патрулирование и разведку, особенно тогда, когда в нашем доме проходили конспиративные заседания.

В конце августа 1942 года организация насчитывала двадцать пять человек.

Первое организационное собрание «Молодой гвардии» состоялось в конце сентября в нашей квартире. На этом собрании был избран штаб в составе Олега, Вани Земнухова, Сергея Тюленина и Вани Туркенича (позднее в штаб вошли также Люба Шевцова и Уля Громова), секретарём комсомольской организации на собрании был единогласно избран Олег, он же стал и комиссаром «Молодой гвардии».

После этого собрания молодогвардейцы начали действовать энергично. В конце сентября организация выросла до семидесяти человек, а в декабре в рядах её было более ста человек.

Прежде чем принять кого-нибудь в свою организацию, Олег внимательно изучал но-

вого товарища, разговаривая с ним, подготавливал будущего молодого гвардейца к подвигам.

Вот как Нина Иванцова, член «Молодой гвардии», вспоминает об этом на страницах книжки «Герои Краснодона»:

«Как-то Олег мне сказал:

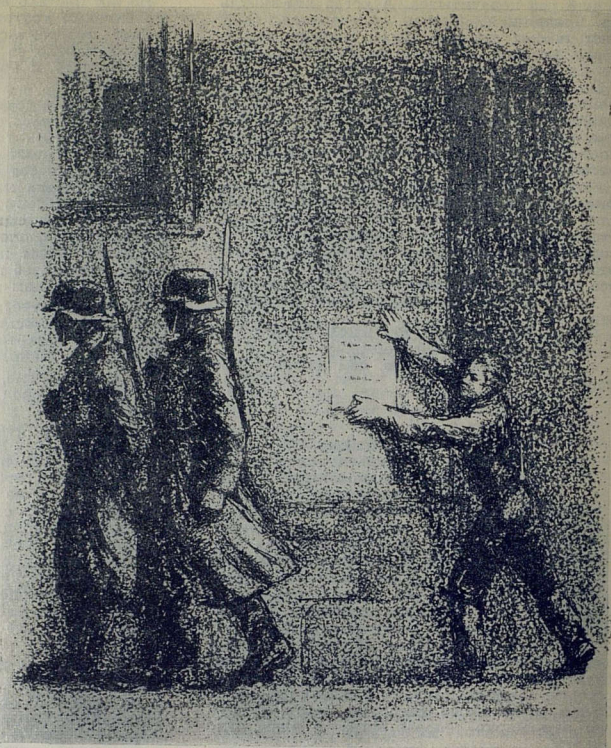
«Нина, мы будем партизанами. Ты представляешь себе, что такое партизан? Дело партизанское нелёгкое, но очень интересное. Он убьёт немца, другого, третьего, может быть, сотого, а сто первый может убить его, партизана. Он выполняет одно, другое, десятое задание, а на одиннадцатом может сам споткнуться. Партизан не дорожит своей жизнью. Он никогда не ставит свою жизнь выше, чем счастье Отчизны, и когда это нужно, — не пожалеет своей жизни ради сохранения жизни своих товарищей...»

В сентябре штаб поставил всю организацию для лучшей конспирации поделить на пятёрки. Возглавляли пятёрки самые смелые и самые решительные ребята. Для связи со штабом каждая пятёрка имела связиста. Члены штаба сложили текст присяги, и каждый, кто вступал в организацию, торжественно принимал её.

Вот текст этой присяги:

«Я, вступая в ряды «Молодой гвардии», перед лицом своих друзей по оружию, перед лицом своей родной многострадальной земли, перед лицом всего народа торжественно клянусь: беспрекословно выполнять любое задание, данное мне старшим товарищем. Хранить в глубочайшей тайне всё, что касается моей работы в «Молодой гвардии». Я клянусь бесстрашно метись за сожжённые, разорённые города и сёла, за кровь нагих людей, за мученическую смерть 30 шахтёров-героев. И если для этой мести потребуется моя жизнь, я отдам её без минуты колебания. Если же я нарушу эту священную клятву под пытками ли, или из-за трусости, то пусть моё имя, мои родные будут навеки прокляты, а меня самого покарает суровая рука моих товарищей. Кровь за кровь! Смерть за смерть!»

Вот как вспоминает о священном моменте принятия присяги член «Молодой гвардии» Радик Юркин, который случайно остался живым: «...Олег Кошевой выстроил всех нас, будущих молодогвардейцев, и обратился к нам с коротким словом, в котором вспомнил о бое-

Особенно много поработали ребята над распространением листовок...

вых традициях Донбасса, о героических подвигах донбасских полков, которые водили в бой Ворошилов и Пархоменко, об обязанностях и чести комсомольца. Слова его звучали не громко, но твёрдо и так воодушевляли, что каждый из нас готов был хоть сейчас идти в бой.

— С молоком матери мы впитали в себя любовь к свободе, к счастью, и никогда немцам не поставим нас на колени! — говорил Кошевой. — Мы будем драться, как дрались наши отцы и деды, до последней капли крови, до последнего вздоха. Мы пойдём на муки и смерть, но с честью выполним свой долг перед Родиной.

Потом он вызывал нас из строя по одному для принятия присяги. Когда Олег назвал мою фамилию, меня ещё сильнее охватило волнение. Я ступил два шага вперёд, повернулся лицом к товарищам и застыл на месте. Кошевой вполголоса, но очень чётко начал читать текст присяги. Я за ним повторял. Закончив, Олег подошёл ко мне, по-

здравил от имени штаба с принятием при-
сяги и сказал: — Отныне твоя жизнь, Радик,
принадлежит «Молодой гвардии» и её делу».

«Молодая гвардия» вырастала не только
количественно, но и качественно. Недавние
юные школьники превращались в настоящих
подпольщиков со своей выработанной такти-
кой борьбы.

Постепенно Олег и его друзья свою орга-
низацию превращали из агитационной в
организацию вооружённого сопротивления
немцам. На склад «Молодой гвардии» стали
поступать винтовки и гранаты, добытые у
врага. Встревожились немецкие коменданты.
Проезжие дороги стали опасными для немец-
ких машин. Увеличился штат полиции, за-
волновались немцы, потому что молодог-
вардейцы преследовали их днём и ночью.

Когда немцы готовились вывозить хлеб из
нашего района, штаб «Молодой гвардии» от-
дал приказ жечь его. Молодогвардейцы
сожгли шесть скирд хлеба и четыре стога
сена. На складах зерно заражали клещом.
Таким образом, немцам не удалось вывезти
весь хлеб в Германию.

Телефонно-телеграфную сеть немцы бук-
вально не успевали читать — так часто об-
рывали её молодогвардейцы.

Но особенно много поработали ребята над
распространением листовок. Мой брат не раз
помогал им писать текст листовок. Эти ли-
стовки, как животворный луч солнца, кото-
рый внезапно прорезывает мрак, освещали
путь молодёжи Краснодона и его окраин.
Олег частенько одевался в форму полицей-
ского и в запрещённые вечерние часы выхо-
дил на улицу расклеивать листовки. Другие
молодогвардейцы были не менее ловкими.
Валерия Борц, Нина Иванцова и Тося Ма-
щенко взялись распространять сводки Со-
ветского Информбюро. Они шли на базар и
предлагали женщинам, которые торговали
блинами и пирожками, купить у них бума-
гу для завёртывания. Женщины охотно да-
вали девочкам по блину, а потом целый день
заворачивали в сводки Информбюро свои
кулинарные изделия. Таким образом, эти
сведения попадали людям, и население по-
лучало правдивую информацию.

Слушать Москву ребята собирались у нас
каждый вечер. На это время закрывали ко-
врами окна, а мы с бабушкой выходили во
двор сторожить. Даже шестёрка бросал нас в
пот. Мы очень боялись за детей. Не раз и
мне выпадало счастье слушать передачу из

Москвы. Какие это были дорогие сердцу
минуты! До войны эти передачи казались
нам обыкновенными, а теперь они вызывали
такое волнение, как будто шли к нам с дру-
гой планеты. Мы старались не пропустить
ни одного слова, ни одной прошейте в Москве
песни.

Октябрьские праздники молодогвардейцы
провели по-советски. 6 ноября у нас собра-
лись члены штаба. По радио мы слышали
речь товарища Сталина. А 7 ноября весь
Краснодон уже знал, о чём говорил Верхов-
ный главнокомандующий Красной Армии.

Утром 7 ноября жители Краснодона уви-
дели «чудо». На всех высоких зданиях, на
трубах шахт, на дерриках и на самом высо-
ком дереве в парке развевались красные
флаги с лозунгами: «Да здравствует Красная
Армия и наш великий вождь товарищ
Сталин!», «Смерть немецким захватчикам!»

Когда я спросила у Олега, кто это сделал,
он, засмеявшись, ответил:

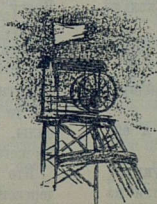
— Есть такие, что не спят.

Позже Олег рассказал мне всё. К трём фла-
гам они пристроили консервные банки, а
внизу на стене написали, что флаги замини-
рованы и тот, кто зацепит их, взлетит на
воздух. Эти флаги полиция сняла только
поздно вечером.

Весть о флагах быстро облетела не только
Краснодон, но и села и хутора. Полицей-
ские и гестаповцы бросились стирать ло-
зунги, написанные на стенах общественных
зданий, разгоняли людей, которые собира-
лись на улицах, угрожали расстрелами.
Флаги они сняли, но никакая сила не могла
стереть в сердцах людей впечатления, кото-
рое осталось от этих красных флагов, раз-
вевавшихся над городом, несмотря на жесто-
кий террор оккупантов. Краснодон знал: есть
среди них мужественные борцы, герои, ко-
торым не страшны немцы и их прихвостни.
Живёт советский народ, не удалось поста-
вить его на колени, живёт и борется! И при-
дёт время — оно уже близко! — когда крас-
ные флаги свободно будут развеваться на
всех домах, на всех башнях.

В тот же день, 7 ноября, по заданию штаба
были розданы семьям фронтовиков скромные
подарки. Кроме того была организована пе-
редача в тюрьму арестованным коммуни-
стам.

Так провели 25-летие Великого Октября
молодогвардейцы Краснодона.

Аркадий Гайдар

Б. Емельянов

Рис. В. Цельмера

«Находясь с четырнадцать лет на командных должностях РККА, тов. Голиков является одним из пламенных членов РКСМ, доблестно вынесших на себе тяготы всей гражданской войны 1918—1922 года».

Такую характеристику дал Аркадию Петровичу Гайдару — тогда он носил свою настоящую фамилию Голиков — Енисейский губернский комитет комсомола. А на этой фотографии вы видите Гайдара — командира полка.

ПРЕКРАСНАЯ ЖИЗНЬ

октября 1941 года в бою с немецкими захватчиками погиб Аркадий Петрович Гайдар.

Прошло пять лет со дня его смерти. Он умер совсем молодым. Сколько

хороших книг он бы ещё написал!

Аркадий Гайдар родился в 1904 году в городе Арзамасе.

Короткое, нелёгкое детство было у Гайдара. Суровую школу прошёл он.

Книги Гайдара вы знаете. Надо знать и его жизнь. Вот как он сам писал о себе:

«В августе 1914 года, когда мне стукнуло десять лет, отца взяли в солдаты и послали на германский фронт...

... Отецловались, оплакались, звякнули, за-

гудели, тронулись и поехали: прощайте, солдаты, прощайте! Уезжали под плач, с громом, свистом и с песнями. С чем-то назад вернётесь?

И они вернулись назад через четыре года.

Те, кто не были искалечены, отравлены, засыпаны землёй и убиты на полях Галиции, на Карпатах, под Трапезундом и под Ригой, — те вернулись назад на помощь рабочим Москвы и Петрограда, которые уже бились на баррикадах за лучшую долю, за счастье, за братство народов, за советскую власть.

Мне было всего четырнадцать лет, когда я ушёл в Красную Армию. Но я был высокий, широкоплечий и, конечно, соврал, что мне уже шестнадцать.

Я был на фронтах: петлюровском, польском, кавказском, внутреннем, на антоновщине и, наконец, близ границы Монголии. Что я видел, где мы наступали, где отступали, скоро всего не перескажешь. Но самое главное, что я запомнил, — это то, с каким бешеным упорством, с какой ненавистью к врагу, безграничной и беспредельной, сражалась Красная Армия одна против всего белевгардейского мира.

Под Киевом, возле Боярки, умирал и бредил мой друг, курсант Яша Оксюз. Уже розоватая пена дымилась на его застывших губах и он говорил уже что-то не совсем складное и для других непонятное. «Если бы, — бормотал он, — на заре переменить позицию! Да краем по Днепру, да прямо за Волгу! А там письмом бросьте. Бомбы бросайте острее! И никогда, никогда... Вот и всё! Нет... не всё. Нет, всё, товарищи!»

И, что бы он там ни бормотал, лёжа меж истоптанных огуречных и морковных грядок, мотал головой, шептал, хмурил брови, я знал и понимал, что он хочет и торопится сказать: чтобы били мы белых и сегодня, и завтра, и до самой смерти, проверяли на заре полевые караулы, что Петлюра убежит с Днепра, что Колчака прогнали уже за Волгу, что наш часовой не вовремя бросил бомбу, и от этого нехорошо так сегодня получилось, что письмом к жене у него лежит, да я и сам его вижу, — торчит из кармана потёртого защитного френча. И в том письме, конечно, всё те же ей слова: прощай, мол, помни! Но нет силы, которая сломала бы советскую власть ни сегодня, ни завтра. И это — всё.

Кто знает под Киевом, где-то возле Боярки, деревеньку Кожуховку? Какие-то, интересно, там сейчас и как называются колхозы? «Заря революции», «Октябрь», «Памя», «Вперёд», «Победа»

или просто какой-нибудь тихий и скромный «Рассвет», вот там и схоронили мы Яшу. А потом хоронили ещё, и десять, и двадцать, и сто, и тысячу. Но советская власть жива, живёт, и никто с ней, товарищи, ничего не делает.

В Красной Армии я пробыл шесть лет. Пятнадцать лет я окончил Киевские командные курсы и тут же в августе 1919 года был назначен командиром шестой роты второго полка бригады курсантов.

Потом я был командиром батальона, командиром сводного отряда, командиром 23-го полка в Воронеже и, наконец, командиром 58-го отдельного полка по борьбе с бандитизмом.

Я был тогда очень молод, командовал, конечно, не как Чапаев. И то у меня не так, и это не эдак. Иной раз, бывало, закутись, посмотришь в окошко и подумаешь: а хорошо бы отстегнуть саблю, сдать маузер и пойти с ребятишками играть в лапу.

Частенько я оступался, срывался, бывало, даже своевольничал, и тогда меня жестоко за это свои же обрывали и одёргивали, но всё это пошло мне только на пользу.

Я любил Красную Армию и думал остаться в ней на всю жизнь. Но в 23-м году из-за старой контузии в правую половину головы я вдруг крепко заболел. Всё что-то шумело в висках, гудело, и губы непонятно дёргались. Долго меня лечили, и, наконец, в апреле 1924 года, как раз когда мне исполнилось двадцать лет, я был зачислен по должности командира полка в запас.

С тех пор я стал писать. Вероятно, потому, что в армии я был ещё мальчишкой, мне захотелось рассказать новым мальчишкам и девочкам, какая она была, жизнь: как оно всё начиналось да как продолжалось, потому что повидать я успел всё же немало...

Да, Аркадий Гайдар много успел увидеть за свою недолгую жизнь. Он был солдатом, командиром, путешественником, охотником, рыболовом, писателем, военным корреспондентом. А самое главное — он был любящим сыном советской Родины, добрым и весёлым человеком, другом нашей детворы.

Всем сердцем, горячо и самоотверженно он любил Красную Армию. На всех рукописях Гайдара в правом верхнем углу нарисована им красная звёздочка. Ребята учились у Гайдара мужеству и большой солдатской верности. Многие наши герои были его друзьями и учениками. Зоя Космодемьянская лично дружила с Гайдаром.

Он всё понимал, этот большой и радостный человек. Когда правительство наградило его орденом, он сказал, что принимает награду, как талисман, волшебная сила которого кончается сразу, как только кончается труд.

«Что такое счастье, — говорил Гайдар, — это каждый понимает по-своему. Но все должны честно жить, много трудиться и крепко любить и беречь эту огромную землю, которая зовётся Советской страной».

Сейчас мы все, от мала до велика, работаем, трудимся над осуществлением нового гигантского пятилетнего плана, указанного нам товарищем Сталиным.

Поистине великие задачи снова стали перед нашим народом. И сейчас важно понять, что мы все — **большие советские люди** и нам по плечу любая тяжесть борьбы и труда. Надо, чтобы **советский человек** чувствовал себя великаном. Гайдар это понимал.

Однажды он вышел из дома. На стене большого здания возле Курского вокзала висели огромные плакаты и диаграммы, на которых были нарисованы дома, автомобили и ботинки невиданного размера. Это начиналась третья пятилетка, и плакаты показывали народу будущий рост нашей промышленности.

Гайдар остановился возле здания, задумался и медленно пошёл по Садовой.

Он нарисовал потом город и эту стену с плакатами, с автомобилями, с огромными ботинками на ней и к ботинкам пририсовал весёлого шагающего через дома человека. С колокольни Ивана Великого нельзя было дотянуться до колена этого гиганта.

Гайдар был доволен своим рисунком.

— Это шагаем мы, — сказал он. — Здорово шагаем, ребята!

Радость и гордость за свою большую советскую Родину звучала в его словах. Он больше жизни любил родную землю, её смелых, упорных людей, её быстрые реки, снежные вершины, дремучие леса, синие горы.

Он был очень большим писателем. И с каждым годом его талант становился чище и ярче. Но грянула Великая Отечественная война. На нашу страну напали враги. Началась отчаянная, кровопролитная битва.

По состоянию здоровья его вначале отказывались отправлять на фронт. Он ходил, упрямился, уговаривал...

— Пошлите меня, за мной не пропадёт! — говорил он.

И его послали.

Под Киевом, в бою, в августе 1941 года он написал своё замечательное воззвание к молодёжи Советского Союза: «Берись за оружие, комсомольское племя!»

В партизанском отряде, недалеко от города Канева, рядом с местами, где воевал он в гражданскую войну, погиб в бою Аркадий Петрович Гайдар.

В стороне от железнодорожного полотна, возле будки сторожа, сгоронили товарищи Аркадия Гайдара. Скромная, короткая надпись виднеется на могильном камне: «Здесь похоронен пулемётчик, командир партизанского отряда Аркадий Петрович Гайдар».

У могилы Гайдара слышен стук колёс проходящих поездов, с Днепра доносятся сюда гудки пароходов.

Между двумя войнами за Родину уместилась жизнь нашего друга, нашего писателя.

На Киевщине, в бою, начиналась прекрасная биография Гайдара, на Киевщине, в бою, оборвалась.

Будем же «честно жить, много трудиться и крепко любить и беречь эту огромную землю, которая зовётся Советской страной».

Это и будет лучшей памятью о Гайдаре.

Гайдар и его команда

Аркадий Гайдар написал много хороших книг. Наши ребята знают и любят «РВС», «Школу», «Голубую записку», «Восстание тайфуна» и «Судьбу барабанщика».

Но ни одна из книг Гайдара не пользовалась у ребят такой любовью, как «Тимур и его команда».

Часто спрашивают, почему Гайдар написал о команде Тимура. У Гайдара есть сын Тимур: была у него или не была команда? О ком написал книгу Гайдар — о своём настоящем сыне или нет? Жила на свете девочка Женя или её Гайдар выдумал? Совсем недавно в мужской школе меня спросили ученики 7-го класса: кто теперь отец Жени и Ольги, командир бронепоезда Александров, — генерал-майор или генерал-лейтенант? А ученицы одной школы спрашивали: был ли Тимур на фронте в Отечественную войну, жив ли он и здоров и нельзя ли ему передать привет?

Ответить на все эти вопросы нетрудно. Герои книги о Тимуре созданы писателем. Своей командой у настоящего Тимура не было. Но Гайдар очень хотел, чтобы его сын вырос мужественным и честным мальчиком, и он дал имя своего сына Тимура литературному герою.

— Пусть они будут похожи друг на друга, — сказал Гайдар. — Я их обоих люблю.

Как и почему книга о тимуровцах выдумывалась и писалась, — это рассказ длинней и трудней.

Литературные герои Гайдара и сам Гайдар — это одни и те же люди. Не было и нет ничего дороже для них знамён Красной Армии, и потому «всё, что ни есть на свете хорошего, — это у них солдатское».

Плечом к плечу стоят в солдатском строю боевые друзья и товарищи, и выручка товарища в бою считается святым долгом и высшей доблестью в Красной Армии.

Гайдар считал, что все наши советские люди должны быть связаны верной солдатской дружбой. Он понимал, что в будущих грозных войнах с врагом воевать будет вся наша страна, а не только Красная Армия.

Вот почему, задолго до того как появилась на свет литературная команда Тимура, существовала в Москве, на Большой Дмитровке, команда Гайдара, и сам Аркадий Гайдар был в ней Тимуром.

А если начинать с начала, то было время, когда и у самого Гайдара команды не было.

В доме на Большой Дмитровке жила маленькая девочка. Её отца убили японцы на дальневосточной границе. Девочка была больна и не могла ходить. Из окошка был виден ей только узенький кусочек синего или серого неба. Когда небо было серым и маленькой девочке становилось совсем скучно, к ней приходил в гости Аркадий Гайдар. Он жил внизу, этажом ниже. Гайдар приносил девочке конфеты и игрушки и пел песенку о голубом кораблике.

В большом сером доме на Арбате жил старый писатель. Он был совсем старый, давно ничего не писал и даже читать не мог: так плохо видел.

Аркадий Гайдар был тогда молодым писателем. Он часто ходил к старому писателю в гости, читал ему вслух новые книги, и старик был счастлив: о нём не забыли.

На Сретенке, в Головином переулке, жил старый товарищ Гайдара. Они вместе дрались с бело-гвардейцами и петлюровцами. В бою под Киевом товарищу оторвало ногу и повредило грудь. Он стал переплётчиком и хорошо, но медленно переплетал книги. Гайдар доставал ему работу и разносил переплётённые книги по заказчикам. У Гайдара становилось всё больше друзей и знакомых, таких, которые нуждались в помощи и поддержке.

И у Гайдара не хватало уже времени для того, чтобы помогать всем.

Гайдару стало жить трудно. А вот как Гайдару стало жить легче.

— Сколько я себя помню, мальчишки играют в «разбойники». Надо играть в хороших людей.

Начиналась зима.

Мы ночевали у Гайдара. Мы решили рано утром вместе уехать за город и затемно собирались в одно место, чтобы пораньше лечь спать и перед дальним походом получше выспаться.

Но в восемь часов вечера с треском и звоном, высавив двойное стекло, влетел в комнату футбольный мяч.

Во дворе испуганно ахнули, кто-то громко сказал: «Тёпа!» — и затем наступила поистине «ледяная» тишина. Футболисты в молчании пе-

реживали потерю мяча и страх за разбитое стекло. Какой хозяин разбитых стекол отдаст мяч обратно!

Гайдар подошёл к окошку.

— Зима! — закричал он, высовываясь в дыру. — А вы что делаете? Коньки надо покупать! Ключки! В хоккей играть!

Он подумал немного, поднял с пола мяч и выкинул его обратно в дырку. Дверь ответил на этот акт великодушия восторженным и благодарным гулом.

Нам от этого не стало легче. Гайдар заткнул дырку в окошке подушками, и спать стало неудобно и холодно.

Утром мы встали голодные и холодные и, вместо того чтобы ехать за город, решили идти пить чай или кофе в какую-нибудь тёплую и хорошую столовую.

Выйдя из дома на улицу, мы попали сразу в шумную толпу ребят. Толпа орала, свистела и кричала.

Гайдар сразу приметил знакомый футбольный мяч. Мяч мотался на верёвке за спиной у самого высокого мальчика, капитана дворовой команды.

— Вот мы и встретились, — сказал Гайдар громко, и гомон и крик сразу стихли. — Топот смолк, и в поле пусто. Здравствуйте, правые инсайды, полузащитники и кипера, подрастающая смена и молодая гвардия! Посмотрите на мой синий нос и озябшие руки, цветы жизни, и признавайтесь: кто высадил вчера моё окошко?

— Мы, — хмуро сказал высокий мальчик. — Оконо будет сегодня вставлено, не сердитесь на нас, Аркадий Петрович. Мы ещё не купили себе коньки и клюшки, нам скучно и некуда идти, а эту проклятую свечку Петька дал нечаянно с подачи...

— Оставим в покое Петьку и свечку, — сказал Гайдар. — На хоккейные принадлежности, я понимаю, у вас нет денег. Но за кем вы тут гонялись сейчас с рёвом и топотом?

— Мы играли в «казак-разбойники»! — закричали ребята.

— Сколькo я себя помню, — сказал Гайдар, присаживаясь на ступеньку крыльца, — мальчишки всегда играют в «разбойники». Надо играть в хороших людей.

— А что это за игра — «хорошие люди»? — спросил с недоверием конопатый мальчишка.

— Очень интересная игра, — ответил Гайдар. — Дым, огонь, бой, война. За помощь товарищу дают ордена и медали. Из боя вытаскивают своих раненых, знакомых и незнакомых. А почему вот ты, Гришка, — вдруг обратился Гайдар к конопатому мальчугану в отцовском вытнике, — всё время норовишь заехать соседу в ухо?

— Ванька дразнится, — сказал Гришка. — А другого боя нет.

— Глупоиство говоришь, — сказал Гайдар. — Боя нет — это правда, ну, а если человеку без боя худо? Кто живёт на четвёртом этаже, вон в том окошке справа?

— Живут девчонка Маруся и её мать, — сказал Гришка. — Девчонка больна, мать побежала в аптеку.

— Больше ничего не знаешь? — спросил Гайдар.

— Не-ет, — сказал Гришка.

— А ведь эту девчонку из боя ещё не совсем вытащили, — сказал Гайдар. — Её только в сторону немного оттащили. У неё отца японцы убили, вот она с горя и заболела, — добавил он. — Никого у неё в Москве нет — ни друзей, ни товарищей... Взяли бы и сходили в гости к хорошему человеку!

— Я пойду, — сказал после недолгого молчания высокий мальчик. — У меня брат ранен на Хасане.

— И я, Лёнька, пойду с тобой, — сказал Гришка. — У меня никто не ранен, но я всё равно пойду.

— И мы! — закричали ребята.

— Остальные потом, — сказал Гайдар. — Не все сразу. Пусть идут вдвоём — Лёня и Гриша. Сейчас мы зайдём в булочную, купим Марусе булок и пряников...

Месяца два спустя днём мы пришли с Гайдаром на каток «Динамо» на Петровку. На льду тренировалась наша команда. Новенькие клюшки мелькали в руках ребят, и кипер Гришка с ожесточением и блеском отбивал резаные крутые мячи. Не было на льду только Леонида — высокого мальчика, капитана команды.

— Ну, как дела, ребята? — крикнул Гайдар, подходя к снеговому барьеру. — А где Лёня?

— Дела хороши! — крикнул Гришка, отвечая по порядку. — Спасибо за клюшки, Аркадий Петрович. Лёня пошёл к Марусе. Я потом к ней пойду, вечером. А игру вы нам ещё не выдумали?

— Какую игру? — спросил Гайдар.

— В хороших людей, — сказал Гришка. — Вы же обещали придумать!

— Играйте в хоккей, — буркнул Гайдар. — А о хороших людях мы с вами ещё потолкуем.

А. Некрасов

Новое оружие

миллионов подшипников качения выпускают в 1950 году заводы нашей страны.

Мы и сейчас производим немало этих подшипников.

Есть у нас шарики-аилупуты, размером с маковое зёрнышко, есть шарики-гиганты, с хорошим арбуз величиной. И тем и другим хватает работы в большом советском хозяйстве. И столько ещё этой работы впереди, что приходится строить новые заводы, изобретать новые станки, испытывать новые сорта стали, чтобы выпустить ещё больше шариков, сделать их ещё лучше.

А ведь всего пятьдесят лет назад ни шариков, ни подшипников качения почти не было на земле, и как-то жили люди, обходились без них! Зачем же сейчас мы создаём эту многомиллионную армию маленьких стальных тружеников?

У человека есть давнишний враг — тысячелетиями мы платим ему богатую дань, а он не унимается, на каждом шагу подстерегает нас, требует новых даров. И платит человек, а сам тем временем куёт оружие, вступает в борьбу с ненавистным врагом.

Враг этот — трение.

Вот стоит тяжёлая бочка, в тонну весом. Попробуйте-ка сдвинуть её с места! Не хватит силы. Ну, а если свалить её на бок и покатить? Так легче. Так не нужно быть силачом, чтобы справиться с этой бочкой.

Об этом давно знают люди. И ещё раньше знали, что волочить тяжёлое бревно или чурбан волоком — одно дело, а катить — совсем другое, катить легче.

И когда тысячи лет назад возводились первые пирамиды на берегах Нила, египетские инженеры уже понимали: если круглые брёвна — катки — подложить под тяжёлую каменную глыбу, работа пойдёт легче.

Колесо — улучшенный каток. Кто и когда

придумал его, неизвестно. Но египетские фараоны уже разъезжали на колесницах, а китайцы ещё раньше придумали тачки вроде тех, на каких и сейчас возят песок.

Всё это — и катки египетских инженеров, и китайская тачка, и колесо телеги — орудия борьбы с этим врагом — с потерями на трении. И подшипники качения — самое сильное оружие против этих потерь.

Подшипник — это важная деталь в каждой машине, это — то место, где вращающаяся ось соприкасается с неподвижной частью машины. В подшипнике качения под ось подложены катки — стальные шарики.

Почему остановился автомобиль

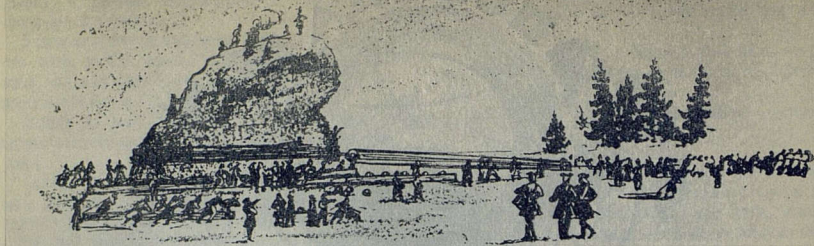

ам приходилось, ребята, видеть такую картину: мчитесь «ЗИС-110» по гладкому шоссе, мчитесь так, что кажется, нет силы, которая могла бы его остановить. Километров сто в час! Вдруг зазевавшийся пешеход на пути... Тормоз... колёса взвизгнули, и, оставив чёрные следы на асфальте, машина остановилась, как вкопанная.

Куда же девался огромный запас энергии тяжёло быстро мчавшейся машины? Загляните в учебник физики для шестого класса, и вы найдёте ответ на этот вопрос: запас кинетической энергии автомобиля израсходовался на преодоление трения.

Ну, а разве не было трения, пока шофёр не нажал тормозную педаль? Конечно, было. Но то было трение совсем другого рода. Тогда колёса катились, а теперь им пришлось скользить. Трение качения сменилось трением скольжения. А в результате весь запас энергии быстро мчавшегося автомобиля превратился в теплоту.

Тут это не очень заметно. А вот если нам придётся как-нибудь в дождь попасть на станцию железной дороги, посмотрите на колёса только что остановившегося вагона. Вы

Так, на бронзовых шариках, везли в Петербург тяжёлую скалу для памятника Петру I.

услышите, как, падая на раскалённые тормозные колодки, шипят капли дождя, увидите, как они мгновенно превращаются в пар.

При торможении такой переход кинетической энергии в теплоту полезен. А сколько драгоценной энергии зря превращается в теплоту!

Вы, наверно, слышали, бывает, что у вагонов «горят буксы». Грязь ли попадёт в то место, где вагонная ось опирается на вкладыши подшипника, не хватит смазки, или другая какая причина увеличит трение — и подшипник начинает преться. За перегон накалятся так, что и масло всё выгорит и бронзовый вкладыш расплавится... Бывает, и аварийный кончится такая неисправность. А уж лишний расход угля тут неизбежен. Ведь эту никому не нужную теплоту из ничего не сделаешь.

И в исправном подшипнике вагона всё равно есть потери на трение, и немалые. Всё равно и там скользят друг по другу поверхности оси и вкладыша. Скользят, греются, и эта никому не нужная теплота летит на ветер. Подсчитать все потери на трение в осях разных машин невозможно. Всей мощности Днепрогэса не хватит на покрытие и сотой доли этих потерь.

А нельзя ли сэкономить? Ведь сэкономили же в старину, подкладывая катки под тяжёлую каменную глыбу. Что, если и здесь, в подшипнике, вместо вкладышей подложить под ось катки? Неужели не додумались до этого люди?

Конечно, додумались. Но к делу эту выдумку долго не могли приспособить, пока нужда не заставила.

Быстро и дёшево

олесо — лучший помощник там, где нужно быстро и дёшево передвигать груз. Люди знали это давно.

Первый велосипед так и сделали: спереди и сзади по колесу, а посередине перекаладина с седлом. Сиделся человек на эту перекаладину, разбегался, поджимал

ноги и катился сразгону, вроде как вы сейчас катаетесь на самокате.

Неважная получилась машина, нескладная, неудобная, но и на ней человек мог передвигаться по земле вдвое, втрое быстрее, чем пешком.

А когда к переднему колесу велосипеда приделали шатуны с педалями и уже не нужно было разбегаться, стало совсем удобно. Сидя в седле, человек крутил ведущее колесо, не касаясь земли ногами. А чтобы прибавить скорости, переднее колесо с каждым днём делало всё больше, всё выше.

И покатались по городским улицам и посельским дорогам неуклюжие велосипеды «пауки» с огромными, двухметровыми колёсами.

Влезть на такой велосипед было нелёгким делом, но зато ехать на нём было быстро и дёшево.

Казалось бы и всё. Но тут, сидя на своём «пауке», с новой силой почувствовал человек, как цепляется, не пускает, тормозит вредное трение. И сколько масла ни лили тогдашние велосипедисты в подшипники, стоило чуть посильнее нажать на шатуны, как сейчас же из втулок колёс, из педалей раздавался злобный писк — победный клич трения скольжения... и велосипедисты понимали: можно бы ехать ещё быстрее, ещё легче, если бы удалось выгнать из велосипеда неотъемлемое трение.

Вот тут-то и вспомнили о шарике, том самом шарике, который ещё при Екатерине II помог притащить из Финляндии в Петербург гранитную скалу в две тысячи тонн весом.

Ленинградцы знают эту скалу. На ней стоит памятник Петру I — «Медный всадник», воспетый Пушкиным. Тракторы-тягачи в то время, конечно, не было. Притащили скалу «на руках», людской силой, подложив под камень бронзовые шары, с пушечное ядро величиной. Эти шары катились по бревенчатым рельсам с желобами, оббитыми медью.

Изобретатели предложили несколько систем подшипников с шариками. Но ни славы, ни богатства не заработали они на этом деле. Новые подшипники не прививались в старые машины.

Только в одном месте они пригодились — в мебельных ножках, и случилось это как раз в то время, когда появился первый велосипед. Шарик и велосипед родились в один год. Но ещё полвека прошло, прежде чем произошла их счастливая встреча.

Только в 1883 году появился первый велосипед на шариках.

Счастливая встреча

жду осями и втулками нового велосипеда с двух сторон, в специальных канавках колесиками, похожие на бусы, лежали блестящие стальные шарики... Втулка, со-

бранная на шариках, словно на маленьких катках катилась по оси. И велосипед сразу понёсся вдвое, второе, вчетверо быстрее, в десять, в пятнадцать раз легче, чем прежде.

И очень скоро велосипед стал чемпионом скорости, королём улиц и дорог. Только поезда ещё пыхтели, соревнуясь с велосипедистами, но и они не всегда выходили победителями.

О велосипедах писали газеты и журналы, на велосипедные гонки собирались тысячи зрителей. Велосипед стал очень нужной машиной.

Одна за другой открывались велосипедные фабрики и мастерские. Тысячи слесарей, склонившись над маленькими, вроде игрушечных, станочками, шлифовали вручную стальные шарики.

В том самом, 1883 году, когда первый велосипед стал на шариках, произошло ещё одно важное событие в истории техники.

Впервые появился тогда автомобиль с бензиновым мотором.

Велосипед пятьдесят лет дожидался встречи с шариком, а автомобиль с первых же дней стал на подшипники качения.

Велосипед кое-как скрипел пятьдесят лет на бронзовых вкладышах. Автомобиль с первых дней потребовал лёгкого хода. У велосипеда шесть вращающихся осей, в автомобиле их десятки. Колёса, рулевое устройство, передача, коробка скоростей, вал мотора, магнето, динамо, стартер в автомобиле собраны на подшипниках качения. И без подшипников качения автомобиль немислям.

Ну, а шарики, что стало бы с ними, не будь автомобиля? Пожалуй, и они без автомобиля не заняли бы того места в технике, которое занимают сейчас.

Шарики, сделанные руками слесарей, не годились для автомобиля. Они были слишком дороги, а главное, они были несовершенны — недостаточно прочны, недостаточно гладки, недостаточно точны. В велосипеде они работали ещё и приносили пользу. В автомобиле они могли принести вред. В мощном быстроходном двигателе автомобиля такие шарики часто не выдерживали нагрузок, раскалывались и разрушали подшипники.

И вот на смену дорожному, несовершенному, кустарному шарiku пришёл новый шарик,

прочный, безукоризненный по форме, точный по размеру, и стал он в сотни и тысячи раз дешевле.

Сверкающим стальным потоком хлынули шарики по всем каналам техники, и с новыми скоростями закрутились на шариках валы станков, прядильные веретёна, роторы паровых турбин, блоки подъёмников и тысячи других больших и маленьких осей.

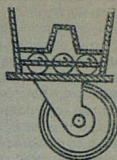
В старой России не было ни автомобильных, ни авиационных заводов. Велосипеды и тракторы везли к нам из-за границы, а мы за всё платили хлебом и золотом.

Пришла Октябрьская революция. Отгремели битвы гражданской войны, ушли с позиций с нашей земли последние отряды интервентов. Одна за другой загорались над страной «лампочки Ильича», вырастали новые домы, гигантские заводы, огромные фабрики...

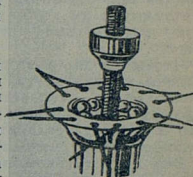
Свои, советские моторы уже гудели в небе, на советских самолётах. Свои, советские тракторы пахали советскую землю, советские автомобили из Москвы и из города Горького разбегались по бесконечным дорогам нашей огромной страны.

Десятки миллионов подшипников качения понадобились нам сразу.

И тогда по указанию товарища Сталина решили строить в Москве свой мощный завод подшипников качения.

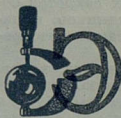

Шарик в ножке кресла.

Первая втулка на шариках.

Разница в 10 микронов

то было трудное дело. Мы в то время многому уже научились, но мы впервые встретились с той огромной точностью, которой требует изготовление шариков.

Представьте себе книжку в тысячу страниц, а толщиной всего в один миллиметр. Так вот, если шарик хоть немножко сплюснен, если на толщину десяти страниц такой книжки будет различаться высота и ширина шарика, этот шарик никуда не годится.

Велосипедное колесо можно собрать на шариках, которые разнятся по диаметру на десять микронов, а в моторах самолёта, в быстроходных турбинах, в скоростных шлифовальных станках такие шарики — всё равно, что песок в вагонной бусе.

Ведь триста оборотов в минуту — большая скорость для велосипедного колеса. Три ты-

сячи оборотов в минуту — нормальный режим работы мотора. Тридцать тысяч оборотов в минуту — рабочая скорость вращения турбины центрифуги, шлифовального камня в быстроходном станке. Скорости вращения машин завтрашнего дня — сотни тысяч оборотов в минуту.

На таких скоростях разница даже в десять микронов может разрушить, разнести подшипник и всю машину.

Представьте, например, что один шарик в подшипнике всего на сотую долю миллиметра больше другого. Он уже будет вести себя немного не так, как другие. На скоростях вращения современных быстроходных машин эта ничтожная разница будет очень ощутима. Такой нестандартный шарик будет вращаться быстрее или медленнее, обгонять или отставать от соседей. Он внесёт путаницу в их дружную, согласованную работу и может причинить немало неприятностей.

Чтобы не было этого, чтобы шарик не обгонял друг друга, между ними ставят разделители — сепараторы, — металлические кольца с гнездами для каждого шарика. Но и в гнезде сепаратора шарик большого размера может надеться бед.

Вот идут гуськом пять человек и несут на плечах тяжёлую рельсу. Четверо рабочих одного роста, а один, идущий в середине, на пять сантиметров выше других. Пока они идут неспеша, он ещё приспособливается, пригибается немного, чтобы разгрузить плечо.

Ну, а если придётся бежать с таким грузом? Тогда высокому придётся плохо. Всей своей тяжестью рельса на каждом шагу будет бить его по плечу, и он скоро выйдет из строя...

Вот так же и шарик: если он чуть побольше других, — вся нагрузка ляжет на него, он не выдержит, рассыплется, изуродует осколками кольца, и подшипник разлетится в куски...

Всё это знали советские инженеры, когда взялись строить первый шарикоподшипниковый завод, но делать шарик мы ещё не умели. Железными завесами производственных тайн, патентов, фабричных секретов огородились фабриканты подшипников, и нашим инженерам пришлось самим изобрести всё сначала.

И пока строились корпуса завода, конструировались станки, разрабатывались производственные процессы, инженеры обучали рабочих, чтобы к пуску завода к станкам встали умелые люди...

Шарик становится... шариком

ручную сделать один маленький стальной шарик дорого и трудно. Нужно выточить шарик, потом закалить его, а после шлифовать и полировать так, чтобы не осталось ни одной, самой маленькой бороздки, ни одного изъяна на его по-

верхности. Сделать это на самом лучшем станке почти невозможно.

И совсем не так делают шарики на шарикоподшипниковом заводе имени Кагановича.

Чёрные прутки стали, похожие на толстую проволоку, режут на куски и штампуют из них шарики. Потом обдирают их на каменных дисках и шарик становится немного похожим на... шарик. Такой, несовершенный, не очень гладкий, не очень круглый шарик идёт в закалку и отсюда постукает в цех, где из него сделают уже настоящий шарик.

Сразу сотни тысяч чёрных, некрашенных шариков обрабатывают там, и инструментом для обработки их служат те же шарики.

Кто бывал на море, видел, как волны шлифуют камешки. Так шлифуют и шарики. Их засыпают в барабан, запирают там и начинают, не спеша, крутить. И катятся шарики внутри барабана, кружатся, как белки в колесе, сталкиваются, цепляются друг за друга, сбивают друг с друга мельчайшие частицы металла, сглаживают неровности, заусеницы. В этой давке всем шарикам тесно, но хуже всех приходится тому шарiku, у которого на поверхности остались хоть маленькие, хоть едва ощутимые горбинки.

Сразу со всех сторон его толкают соседи, жмут, ударяют, трут, срывают крошечные частицы, и неровности на шарике тают, стираются.

Когда останавливают барабан и выпускают маленьких узников, оказывается, что все они, как один, настоящие шарики, гладкие и круглые. Их пора шлифовать.

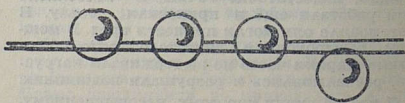
По утрам вы чистите зубы мелом. Мелом чистят пуговицы на парадных мундирах, дверные ручки, мелом протирают оконные стёкла. Везде, где нужно навести блеск и лоск на металл, и идёт мел или извесь. Извесью в таком же барабане шлифуют и шарики, и после этой шлифовки они блестят матовым блеском, как капельки ртути, но микроскоп и на них находит дефекты.

Снова загоняют их в барабан, и на этот раз вместе с шариками туда кладут мелкие образцы кожи.

Это тоже не новость. С давних пор стальную бритву, отточенную на самом тонком оселке, «доводят» на ремне. Вот и шарики «доводят» так же. И когда они выкатываются на свет из третьего барабана, каждый из них сверкает, как драгоценный камень, своей отполированной, зеркальной поверхностью.

Теперь остаётся только измерить их, разобрав по размерам и пустить в дело.

Представьте себе две твёрдые прямые линейки, как мост переброшенные со стола на стол. Это ненадёжный мост. Линейки сдвинуты неполопо, между ними щель. С одной стороны она чуть поуже, с другой — чуть пошире. Вот по этому мосту непрерывным потоком, сплошной цепочкой, опираясь на края линеек, со стола на стол катятся шари-

Сортировка шариков.

ки. Наглаз кажется, что все они одинаковы, а на самом деле они на один или два микрона отличаются друг от друга. Самые маленькие проваливаются в щель сразу, едва перейдут край стола. Большие благополучно прокатываются по этому мосту на второй стол, а все остальные проваливаются как раз там, где ширина щели точно равна длине их диаметра. Провалившись, каждый шарик попадает в свой желобок, катится по нему в свою коробочку.

Так, очень быстро и очень точно, разбирают шарики.

А пока шарики полируются, измеряются, разбираются по номерам, в других цехах точат, штампуют, шлифуют, полируют и измеряют внутренние и наружные кольца подшипников, сепараторы...

Их тоже измеряют разными остроумными приборами. Проверяют твердость и упругость, качество шлифовки... и когда идёшь по цехам этого огромного завода, кажется, что люди здесь только и делают, что меряют, и если заметят малейшую неточность, сейчас же останавливают станок, сбившийся с наладки, а всю партию, в которой оказался дефектный шарик, выбрасывают в брак.

Надёжная марка

Когда все детали готовы, измерены и проверены, их отправляют на сборку. Отсюда, завернутые в плотную, масляную бумагу, подшипники с маркой завода отправляют в город Горький, в Ярославль, в Минск, в Куй-

бышев, в Сталинград...

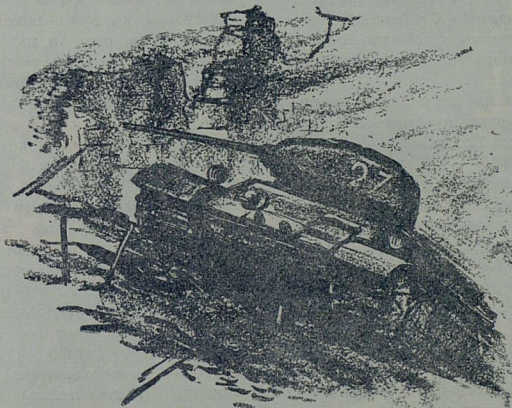
А там уже знают: если стоит на подшипнике марка советских шарикоподшипниковых

заводов, механик может спокойно и уверенно ставить такой подшипник на высокоскоростной мотор, на точнейший авиационный прибор, на любой станок. Такой подшипник не заест, не подведёт, не развалится.

За первые десять лет работы наши шарикоподшипниковые заводы заслужили доброе имя. За четыре года войны они заслужили боевую славу. Шарики, вышедшие из цехов этих заводов, выносили на себе тягу винтов наших истребителей и бомбовозов. В подшипниках автомобилей, в башнях тяжёлых танков шарики с честью прошли весь путь от Москвы до Берлина. Рабочие и инженеры заводов гордятся своей работой, но никто и не думает успокаиваться на достигнутом. В цехах, чистых как лаборатории, собирают новые, огромные подшипники для бьюмигов, для прокатных станков, для подъёмных кранов и для турбин...

В лабораториях, похожих на цеха, склонившись над микроскопами, исследуют новые марки стали, изучают поведение крошечных, с блоху, подшипников для точных приборов.

У работников заводов непочатый край работы. Ещё слишком много потерь несёт наше хозяйство на никому не нужное трение скольжения. Железные дороги, часы, электрические генераторы, дизели ещё ждут своих подшипников качения, и в новой пятилетке они получат их. А рядом с работой над подшипниками для обычных, давно всем известных машин уже сейчас идёт в лабораториях заводов подготовка к встрече машин завтрашнего дня, тех машин, которые будут работать со сверхскоростями вращения в сверхвысоких температурах, и тех, которые со сверхзвуковыми скоростями понесутся в стратосферу, где царит холод межпланетных пространств.

У московских причалов

Н. Андреев

Восемьсот лет стоит Москва, и с тех пор, как стоит, была она сухопутным городом.

Ходили, правда, в старину по Москве-реке челны и струги. Вниз, на Рязань, и вверх, к Ламскому волоку, уходили груженные московскими товарами ладьи. Водой везли камень в Москву, водой сплавляли лес... Но так, чтобы прямо с моря пришёл в Москву корабль или прямо из Москвы ушёл в море, — так не бывало.

А с тех пор как поредело леса под Москвой, стала мелеть Москва-река.

К тому времени, когда красный советский флаг впервые взвился над столицей, под кремлёвскими стенами бежала мутная, грязная речка. Перед самым Кремлём, посредине реки, засучив штаны, стояли в те годы мальчишки с удочками и таскали из воды нескарей.

Москва-город год от года росла, ширилась, строилась. А Москва-река мелела.

Учёные-гидрологи подсчитали: в 1937 году выпьют москвичи свою реку до дна. Всего 60 миллионов вёдер в сутки несла в то время Москва-река.

Задумались учёные и инженеры, стали искать воду, прикидывали, нельзя ли взять её из Оки, Истры или Рузы. И, наконец, по предложению товарища Сталина приняли смелый план: повернуть к Москве Волгу.

Пленум Центрального Комитета партии в 1931 году постановил:

«Коренным образом разрешить задачу обводнения Москвы-реки путём соединения её с верховьям реки Волги...»

Делать, так делать!

В то время большевики уже научились где нужно преграждать, а где нужно прокладывать путь воде. Уже крутились турбины Днепростроя, уже шли работы на Беломорско-Балтийском канале, но и тогда не каждый мог поверить, что Волга придёт в Москву, что Москва станет морским портом.

А уже сидели инженеры за чертёжными столами, намечая трассу канала, уже геологи бурили глубокие скважины, изучая грунты, топографы мерили холмы и горы, через которые предстояло перебросить волжскую воду.

И когда всё подсчитали, проверили,

продумали до конца, пришли опять к товарищу Сталину.

22 мая 1932 года на заседании Политбюро Центрального Комитета партии слушались одновременно два вопроса: о строительстве московского метро и о сооружении канала Москва — Волга.

Решили строить и метро и канал. А что решили большевики, то будет сделано: это каждый знает.

Началась работа. Амоннал рвал скалы. Гидромониторы размывали породу. Железные лапы экскаваторов разгребали и грузили развороченную землю. Копры забивали сваи, гудели паровозы, громыхали грузовики, стучали топоры плотников, скрипели оси вагонеток... Зимой и летом, днём и ночью, четыре года и восемь месяцев не смолкал грохот небывалой стройки.

И вот в 1937 году, как раз в тот год, когда Москва до дна должна была выпить свою обмелевшую реку, москвичи вдруг увидели, что живут они на берегу многоводной, широкой, глубокой и чистой реки.

К стенам Кремля на первомайский парад пришёл караван невиданных здесь судов во главе с флагманом флота канала огромным теплоходом «Иосиф Сталин».

Погудели красавцы-теплоходы, расцветенные флагами, прошли парадным строем под новыми московскими мостами и ушли по своим делам — кто на Волгу, кто на Оку, а кто домой, в Химки, в московский порт трёх морей.

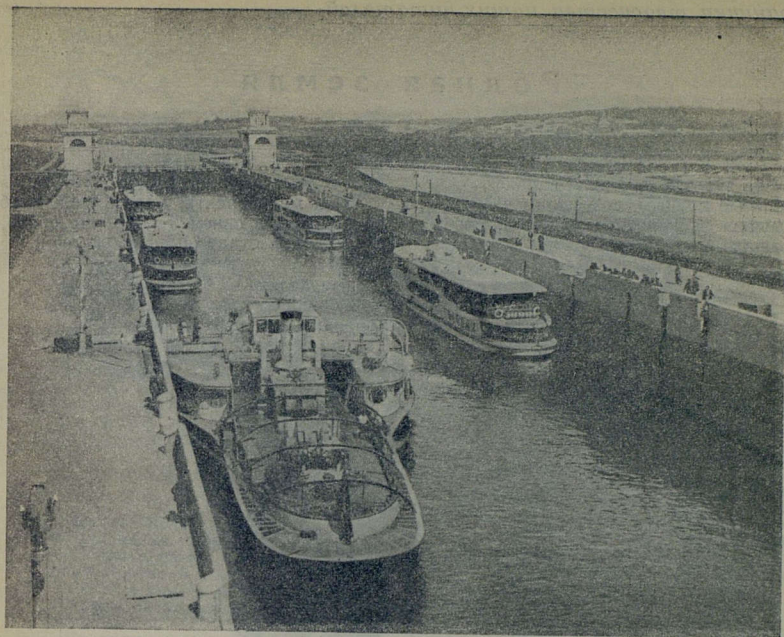
А там, в порту, уже ждали грузы с Балтики, с Каспия и с Белого моря. Не парадные, а сигнальные флаги уже трепетали на фалах, зелёными и красными огнями подмигивали по ночам огромные морские бакены, зывая дальёих гостей, показывая им путь к причалам столицы.

Пришли с Балтики портовые катеры, пришли с Каспия наливные нефтевозы — танкеры, — ожил порт трёх морей. И как во всяком порту, днём и ночью медными глотками перекликаются там катеры и буксиры. Полупортальные краны важно, как аисты, прохаживаются по бетонным пирсам, склоняются над глубоко осевшими баржами и бережно складывают на берегу драгоценные грузы... Скрипят лебёдки, гремят якоря,

КАНАЛ МОСКВА — ВОЛГА,

Картина Г. Нисколы.

В камере шлюза, прижавшись к бетонным стенкам, быстроходные пассажирские теплоходы и мощные буксиры ждут команды диспетчера: — Открыть двери!

и капитаны на мостиках пароходов командуют по-морскому:

— Вперёд, до полного!

Порт, как порт. Даже чайки признали это: прилетели откуда-то, носятся над водой, покрикивают по-своему и с налёта бросаются подбирать мелочь — рыбёшку, поднятую из глубины пароходным винтом.

А потянет ветер, вылетают из тихих гаваней на простор водохранилищ белокрылые яхты, носятся, «режут носы» пароходам и уходят с фарватера в сторону, к берегам, туда, где лес спустился к самой воде, где плещет прибой, где волна год за годом намывает песчаный приплёсок.

Быстро мы привыкаем к великим делам наших дней.

Что вчера казалось несбыточной сказкой, сегодня стало историей.

Мы садимся на катер или на пароход, проходим по шлюзам, по глубокой выемке, провожаем глазами дамбы и плотины, и

даже не удивляет нас, что вместе с водой, вместе с пароходом мы поднялись на 38 метров, перешагнули через гору, прошли по морю, созданному руками и волей человека, встретились в пути с кораблём, пришедшим через всю страну с настоящего моря.

...Заходил этим летом в Москву, стоял у московских причалов пароход «Капитан Гараненко». Московские мальчишки влезали на него по швартовым канатам, ныряли с палубы в воду, и невдомёк им было, что совсем недавно по этой палубе гуляла седая солёная вода Баренцова моря, что пароход этот только что обогнул Скандинавию, побывал за Полярным кругом, сдал в Белом море ленинградский груз, принял новый и пришёл в Москву, чтобы с московским грузом пойти на Волгу, в Каспий.

По-старому рассуждать, — это сказка и чудо.

По-новому, — это правда и быль. И, пожалуй, нечему тут особенно удивляться. Что сказали большевики, то сбывается. И не такие ещё чудеса ждут нас впереди!

Родная земля

Стихи Бори Горбачевского

204-я школа Москвы

Хлеба золотые дремали, качаясь,
Налитые полным, созревшим зерном,
Дышала здоровьем земля молодая,
Дышала бодрящим, горячим теплом.

По жёлтому полю дорога лежала,
Как белая лента, вилась меж хлебов,
А на небе синем, где солнце сияло,
Дремали стада золотых облаков.

Широкие дали, просторные дали,
Родные равнины, леса и поля!
Гроза пронеслась, и дорожке вы стали,
И ближе мне стала родная земля!

З И М А

Рисунок

Володи Дементьева

204-я школа Москвы

Д Р У Г

Стихи Серёжи Гастева

Золотаревская средняя школа,
Пензенская обл.

На белом свете у меня
Друзей не перечесать.
Но есть ещё хороший друг,
Товарищ милый есть.
Пока на полочке лежит,—
Молчит мой верный друг.
Но если в руки взять его,—
Заговорит он вдруг.
Расскажет он о наших днях,
Припомнит старину,
Покажет штормы на морях,
Затащит на луну...

Рвёт в пустыне злой самум,
Вдали — вулкана дым.
Но вот — на севере мой друг,
И я, конечно, с ним.
Бежит по снегу санный след.
Полярный пройден круг...
Но тут внезапно гаснет свет,
И смолк мой верный друг.
...На белом свете у меня
Полным-полно друзей.
А книга — верный друг — лежит
На полочке моей.

Повесть
Николая Чуковского

Рисунки
Б. Винокурова

СЕРЕБРЯНЫЙ ОСТРОВ

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

СНОВА В ГОРОДЕ

3

Увидев Колю, мама не вскрикнула, не заплакала, не улыбнулась. Она только очень поблдедела, потом вскочила и подбежала к Коле. Протянув руки, она обхватила его голову, нагнула его и прижала лицом к своей груди, и он услышал, как шумно стучит её сердце.

Ни одним словом она не попрекнула его. И это было ему больнее всего.

— Мама, прости меня! — лепетал он.

Она отпустила его голову и маленькую мягкую своей ладонью провела по его щеке.

— Мама, — сказал Коля, — я убежал, потому что... мне показалось, что Виталий Макарыч думает, будто папа... предал партизан.

— Какой вздор! — воскликнула мама. — Виталий Макарыч был лучшим другом...

Она загнулась, потом пересилила себя, положила Коле прямо в глаза и сказала:

— Твоего папы.

Впервые с тех пор, как пришло известие о папиной смерти, они с Колей заговорили о папе. От этого им обоим сразу стало легче.

— Неужели ты мог поверить, что он считает твоего отца предателем! — сказала мама с укоризной. — Неужели я стала бы с ним разговаривать?! Нет, он уверен, что твой отец — герой, и хочет, чтобы об этом узнали все. Едва мы приехали сюда, он пришёл ко мне познаться и открыл мне, что папа твой не был убит с другими партизанами и что предал их человек, которого зовут Козиков. Он открыл мне, что вернулся в этот город для того, чтобы узнать всё о папиной судьбе и чтобы поймать Козикова. И ещё — что Козиков должен сам прийти к нему в школу...

— Почему?! — воскликнул Коля удивлён-

но. — Почему он так был уверен, что Козиков сам придёт к нему?

— Потому что в старом здании школы, где когда-то жили партизаны и где вместе с ними жил Козиков, спрятан документ, которого Козиков больше всего боится. Виталий Макарович и сам очень хотел найти эту бумажку и сегодня, наверно, искал её в старом здании и оступился...

— Он не оступился, — сказал Коля. — Его столкнули.

— Стокнули? — спросила Лиза Макарова, появляясь в дверях с кастрюльками в одной руке и с хлебом в другой. — Кто ж его столкнул?

И Коля, торопясь и сбиваясь, стал рассказывать всё, что узнал за время своего путешествия.

Разговор с Настей он передал подробно и точно. Лизу особенно поразило, что Настя могла так спокойно говорить о намерении нищего убить Виталия Макаровича.

— Она обо всём говорит спокойно, — сказала Коля. — Даже о тёмной яме под домом, в которой она сидела.

— Почему? — спросила Лиза. — Разве ей нравилось сидеть в яме?

— Конечно, нет, — сказал Коля.

— Почему же она так спокойна?

Коля задумался.

— Наверно, потому, — сказал он, — что она ко всему привыкла — и к этой яме и к боям. Она словно замерла от долгого горя.

— А как ты думаешь: она когда-нибудь оттаёт?

— Она оттаёт, если сделать её счастливой.

Когда Коля рассказал, как нищий бросил Стёпochку в погреб, вскрикнула не только Лиза, но и мама. Глаза её расширились от испуга, когда она услышала, как её Коля плавил в лодке и как нищий целился в него с острова. Потом он рассказал об Архипове, о том, как поехал на остров. И кончил свой рассказ пожаром на острове, который он увидел, сидя в кузове машины.

— Так они сгорели! — крикнула Лиза. — Стёпочка и Настя сгорели!

— Ну, нет, мы не сгорели, — раздался за окном спокойный голос.

Они обернулись к окну и увидели Стёпочку, невероятного и совсем такого, как всегда, — круглолицего, маленького, но важно-го и уверенного в себе.

Само собой разумеется, что Стёпочка был немедленно введён в библиотеку и усажен за стол. Он сначала отказывался от обеда: он очень торопился, — но потом принял за суп, за хлеб и за картошку с таким усердием, что мама едва успевала ему подливать и подкладывать.

Коля был счастлив, что Стёпочка, живой и невредимый, сидит с ним рядом, и осторожно трогал рукой его плечо.

— А Настя цела? — спросила Лиза.

— Угу, — сказал Стёпочка, жуя.

— А Архипов? — спросил Коля.

— Угу.

— Где же они?

— В школе, у Виталия Макарыча.

— И давно вы приехали?

— Только что. Нас подвезли на машине.

— Как же вы вылезли из подвала? — спросила Лиза.

Стёпочка поперхнулся и ответил:

— Нас выпустил Архипов. Когда он разбил полотно дверцу погребца, дом уже горел.

— А кто поджёг дом? — спросил Коля.

— Ясно, кто, — ответил Стёпочка. — Ничий! Он очень испугался, когда увидел, что Архипов плывёт в лодке на остров. У него не осталось ни одного паррона. Он поджёг дом и исчез. Когда Архипов нас выпустил, его на острове уже не было.

— Куда же он делся?

— Не знаю. Я спрашивал Архипова, но он ничего не сказал.

— А Архипов знает?

— Мне думается, знает. Ну, Марфа Петровна, нам с вами надо идти к Виталию Макарычу.

— Зачем к Виталию Макарычу?

— Вот ещё, зачем! Меня сюда прислали, чтобы я скорее привёл вас. Виталий Макарыч очнулся и прежде всего спросил о вас. Мама вскопчила из-за стола.

— Чего же мы здесь сидим? — воскликнула она. — Скорее, скорее! Как он себя чувствует?

— Он слабый, слабый, — сказал Стёпочка, вставая и вытирая рукавом губы. — Разговаривает еле слышно.

— Он разговаривает? С кем? С Агатой?

— Нет, не с Агафьей Тихоновной, Агафью Тихоновну он держит за руку, а разговаривает с Настей.

Стёпочка сказал это уже в дверях, едва поспевая за колымагой мамой, которая торопливо вышла из библиотеки, оставив посуду на столе. Коля и Лиза пошли за ними.

4

В школе, на лестнице, их встретил Вова Кравчук. Он приложил палец к губам и сказал:

— Тссс!

Он дежурил здесь, чтобы не пускать к Виталию Макарычу лишних людей. Сегодня в

школе все работы были прекращены, чтобы стуком не мешать больному. Мальчики обещали отработать пропущенный день в воскресенье. Узнав колыну маму, Вова Кравчук прошептал:

— Он ждёт вас.

И провёл всех в кабинет заведующего учебной частью.

В кабинете был полумрак: на окне висели белые занавески. На кровати, у стены, опираясь спиной на грудку подушек, сидел Виталий Макарович в белой ночной рубашке.

Посреди комнаты на стуле сидела Настя. Босые ноги её не доставали до полу. Она, вероятно, только что о чём-то рассуждала, но теперь умолкла и спокойно разглядывала большими чёрными глазами колыну маму, Колю, Стёпочку и Лизу. У стола на кресле сидел Архипов, в болотных сапогах, с двусторонней на коленях. Он встал и поклонился колыной маме.

Мама внимательно осмотрела Настю. Она видела её только один раз — в день приезда, на вокзале. И, как тогда, она негромко сказала:

— Какая красавица! Её необходимо вымыты!

Мама села в свободное кресло, Архипов тоже уселся, Коля, Стёпочка и Лиза стояли у двери.

— Марфа Петровна, я ждал вас, — тихо, но твёрдо и торжественно сказал Виталий Макарович. — Эта девочка собственными глазами видела то, о чём я только смутно догадывался. Я хочу, чтобы вы сами всё от неё услышали. Когда вы вошли, мы как раз остановились на самом важном месте.

Он повернулся к Насте и попросил:

— Расскажите нам, пожауйста, где ты была во время убийства партизан на Серебряном острове.

— Я была в погребе под домом, — сказала Настя.

Она отвечала спокойно и таким ровным голосом, словно была заводная кукла.

— Что же ты там слышала в ту ночь? — спросил Виталий Макарович.

— Я слышала голоса, топот ног, потом выстрелы. Много выстрелов. Когда стрелять перестали, он вытащил меня из погреба. Он сказал, что мы сейчас поедом.

— Убитых ты видела?

— Видела. Их было много, и в доме и кругом. Мы наткнулись на них в темноте, потому что было ещё совсем темно. Немцы, убившие их, уже уехали с острова. Мы сели в лодку, обогнули остров и высадились на левый берег. Он взял меня за руку, и мы пошли к городу. По небу прыгали огни, всё гремело, и он сказал мне, что это наступают русские. Он очень боялся...

— Откуда ты знаешь, что он боялся? — спросил Виталий Макарович.

— Я про него всегда всё знаю. Он от страха так сжимал мне руку, что пальцы у меня стали, как деревянные. Уже начало немного светлеть, и до города было близко, и мы хорошо видели мост и немецкие танки и машины, которые по мосту удирали на ту сторону. Потом мост взорвался...

— Ты видела, как взорвался мост?!

— Видела. Столб огня поднялся до самого неба. Земля колыхнулась, и мы упали. Он плакал от злости. Потом побежал к мосту, но не по дороге, а низом, через болото...

— Понимаю! — воскликнула Виталий Макарович. — Он знал, каким путём побегит тот, кто взорвал мост, и хотел встретить его!

— Он потащил меня почти к самой воде, потом мы легли в кусты и стали ждать. У него был пистолет, и он держал его в руке. Мы ждали, но никто не приходил. Только слышно было, как били пушки и как кричали немцы перед мостом. Ох, как они кричали! Ему надоело ждать, он хотел пойти дальше, но я, видно, мешала. Он снял с себя ремень и прикрутил меня к дереву, чтобы я не могла удрать. Он всегда боялся, что я удеру от него... Он поднял пистолет вот так и пошёл. Он отошёл от меня не дальше, чем вон та дверь, как ему навстречу из кустов вышел этот человек...

— Какой человек? — спросил Виталий Макарович.

— Не знаю. Высокий. Было ещё довольно темно, и я плохо рассмотрела его. Тонкий и высокий. В руке он держал короткую железную лопату.

— Лопату? — воскликнул Виталий Макарович. — Конечно, ему нужна была лопата, потому что провод, который вёл к минам под мостом, был зарыт в землю...

— Они чуть не столкнулись, и оба остановились, — продолжала Настя. — Я видела, что они сразу узнали друг друга. Он стал поднимать пистолет. Высокий размахнулся и ударил его лопатой по лицу. Он выстрелил. Высокий упал. Тогда он уронил

пистолет в траву, закачался и закрыл себе лицо руками. Не отнимая рук от лица, он повернулся ко мне. Сквозь щёлки между пальцами текла кровь. Высокий лежал и не двигался.

Настя замолчала. Все молчали.

Коля страшно было взглянуть на маму, но он пересилил себя и взглянул. Мамино лицо было бледно, губы твёрдо сжаты, глаза суховаты, почти надменны. Нет, она не плакала. И Коля тоже не заплакал.

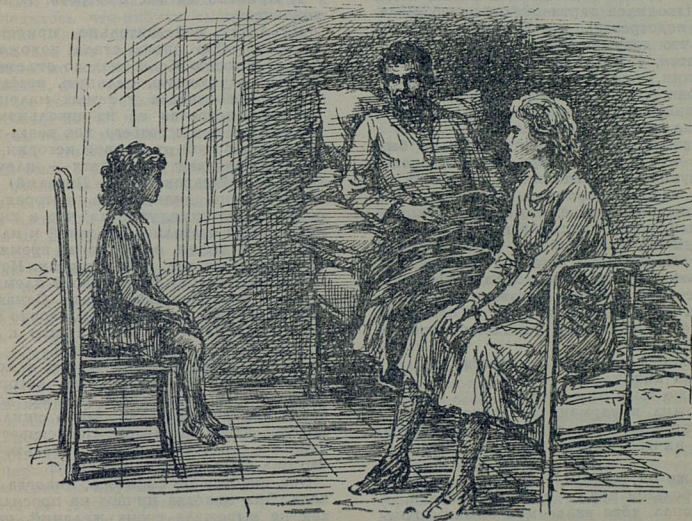
5

Виталий Макарович заговорил тихо, ни к кому не обращаясь, словно сам с собой.

— Я смутно догадывался обо всём, — сказал он, — и теперь вижу, что догадка вела меня по верному следу. Я рассуждал так: из тех, кто явился тогда на Серебряный остров, не были убиты, кроме меня, два человека. Один из них предал нас, другой совершил подвиг — взорвал мост, отрезав немцам путь к отступлению. Один из них был лодчман Козиков, другой — учитель Николай Николаевич. Я знал их обоих. Ни одного множения я не сомневался, что мост взорвал Николай Николаевич. Но я хотел, чтобы об этом знали все. Мне нужны были доказательства.

Он замолчал, чтобы перевести дыхание. Он был очень слаб. Наступила напряжённая тишина. Она длилась долго, очень долго. Наконец, Виталий Макарович пересилил себя и продолжал.

— Я всегда не любил этого Козикова, — сказал он тихо, но твёрдо. — И знал, что многие в отряде не любят его. Но в отряд он

Посреди комнаты на стуле сидела Настя.

вступил гораздо раньше меня и ни в чём дурном не был замечен. Мне нужны были доказательства и, лёжа в госпитале с отрубленной рукой, я дал клятву, что найду их. Выписавшись из госпиталя, — сказал он, — я вернулся сюда, в этот город, и сразу принялся за поиски. Мне повезло: я узнал, что один пленный немец, работавший во время оккупации в здешней немецкой комендатуре, сообщил на допросе, что лётчман Козиков, выдававший себя за партизана, был связан с немецким комендантом. Я разыскал показания этого немца и прочитал в них ещё одну важную подробность. Этот немец, после того как Красная Армия освободила город, не сразу попал в плен, а несколько дней скитался по окрестным лесам. Во время этих скитаний он встретился с Козиковым. Козиков был ранен и перепуган. Он сказал немцу, что куда-то не может уйти, пока не разыщет один опасный документ. Этот документ выдал ему немецкий комендант, и спрятан он в старом здании школы.

Голос Виталия Макаровича совсем ослабел. Голова его клонилась к подушке. Агата смотрела на него умоляюще: она хотела, чтобы он замолчал, отдохнул. Но он сердито взглянул на неё, упрямо мотнул головой и продолжал:

— Я понял, — сказал он, — что мне в школе нужно ждать гостя, и я его ждал, чтобы достойно встретить. И гость приходил, но я, к стыду своему, не узнавал его, — я не знал, что удар лопатой разбил ему лицо. Поджидая, я хотел сам найти этот документ, и облазил всё старое здание. Но документ мне не попадался, не понимаю почему, может быть потому, что я не знал, в какой части здания находился партизанский штаб. Я даже стал подозревать, что Козиков опередил меня и что документ давно у него. А он, оказывается, тоже много раз рыскал в старом здании, тоже ничего не мог найти и был уверен, что документ у меня. Он был со мной удивительно откровенен, так как знал, что сейчас сбросит меня вниз...

— Неужели этот документ так и не был найден? — спросила вдруг Лиза, с волнением слушающая Виталия Макаровича. — Если бы всё это случилось не в жизни, а было написано в книге, кто-нибудь в конце концов непременно нашёл бы его!

— Документ был найден! — воскликнул Коля. — Помнишь, Стёпа, ты рассказывал мне ночью в нашем челноке, как тебе попала в старом здании бумажка, выданная немецким комендантом лётчману Козикову...

Виталий Макарович с удивлением повернулся к Стёпochке.

— Ты нашёл документ? — спросил он. Стёпochка кивнул.

— Что же ты с ним сделал?

— Положил в карман. Он долго лежал у меня в кармане и так под конец истрепался, что уже ничего нельзя было на нём разобрать.

— Где же он теперь?

— Его больше нет, — сказал Стёпochка. — Когда я спал, тётя взяла мои брюки почистить, и всё, что было у меня в карманах, выбросила в плиту.

Виталий Макарович рассмеялся.

— Тем лучше, — сказал он, — Теперь я, по крайней мере, уверен, что Козиков не найдёт своего документа, если придёт сюда искать.

— Он больше не придёт сюда, — проговорил Архипов. — Он куда-то больше не придёт. Его нет.

— Его нет? Куда же он делся?

— Он утонул. Удирая с острова, он пытался переплыть протоку и утонул.

ЭПИЛОГ

К началу учебного года школьное здание было приведено в полный порядок. Чистые стёкла голубели, отражая ясное сентябрьское небо. В голубовато-белых классах стояли свежееккрашенные парты, так тщательно отремонтированные столярной бригадой, что старые ножки невозможно было отличить от новых. Занятия уже начались. На переменах малыши играли в пятнашки, боролись во всех углах. А у дверей старших классов Вова Кравчук вывешивал объявления о собраниях комсомольцев.

Оглушительно пели звонки, и по длинным школьным залам проходил на урок Виталий Макарович, заведующий учебной частью и преподаватель истории, самый уважаемый и самый любимый человек в школе. Он уже не только совсем поправился после своего падения в старом здании, но даже успел жениться.

Он женился на Агате, Свадьбу отпраздновали самым скромным образом, были только Коля и его мама да ещё старик Архипов, который всё улыбался и повторял:

— Приятно на вас смотреть, Агафья Тихоновна.

На Агату, действительно, приятно было смотреть. Она снова стала похожа на ту Агату, которую Коля знал до отъезда в эвакуацию, — румяную, сильную, весёлую. Она теперь преподавала у самых маленьких, и малыши, встречая её на школьном дворе, кидались к ней с разбега, как когда-то Коля.

Читатели этой правдивой истории, вероятно, предполагают, что Настя — племянница Виталия Макаровича, а Виталий Макарович — Настин дядя. Лиза, которая прочла очень много книг, уверяла, что в книге они непременно оказались бы дядей и племянницей. Но в жизни, особенно во время войны, не всё бывает так, как в книгах. Нет, Виталий Макарович не нашёл своей племянницы, а Настя не нашла своего дядю. Однако Виталий Макарович поступил так, словно Настя — его племянница: он взял Настю к себе, и Агата назвала её своей дочкой.

Колина мама вымыла Настю в корыте и расчесала её чёрные волосы, которые так перепутались и сбились, что их долго не брала никакая гребёнка. Агата сшила Насте красное платье с бантом. Но неизвестно, радовалась ли Настя новому платью, потому что она была странная девочка.

Она никогда не смеялась, никогда не плакала. Она никогда ничего не просила и никак не выражала своих желаний, радостей, печалей. Гулять, бегать, играть она не любила, и ничто не вызывало её любопытства.

Лиза принесла Насте детских книг.

— Ничего, она ответит, — говорила Агата и терпеливо ждала.

В первый раз Настя засмеялась, когда Лиза принесла ей детских книжек из библиотеки и стала читать их вслух. Это были все сказки, для самых маленьких, но когда в них попадались что-нибудь смешное, бледное личико Насти светлело и губы улыбались. Сначала она улыбнулась робко, почти неприметно, но мало-помалу стала смеяться, и всё смелее, всё громче, и однажды Агата, вернувшись домой, услышала такой громкий и счастливый хохот, что ей показалось, будто весь дом полон детьми. Удивительнее всего было то, что над этими книжками для малышей вместе с Настей хохотала и Лиза.

Настя восхищалась Лизой. Когда при ней упоминали о Лизе, щёки её розовели. После каждого лизинго посещения она становилась мягче, доверчивей, ласковей. Она, видимо, очень хотела стать такой, как Лиза. А так как ей было известно, что Лиза очень хорошо учится, она однажды сказала Агате, что хочет учиться. И Агата стала заниматься с ней каждый вечер, учить писать и читать, готовить к школе.

Коля каждое утро отправлялся в школу вместе с Виталием Макаровичем и Агатой. Он ещё вырос, стал одним из самых долговых мальчиков в 6-м классе, и теперь не только мама и Лиза, но и вся школа называли его колокольней. Коля, Виталий Макарович и Агата приходили в школу за несколько минут до первого звонка. Звонок давал Архипов, посмотрев на круглые часы в вестибюле.

Архипов не захотел расставаться с Виталием Макаровичем и остался служить в школе. У него было много обязанностей: звонить, сторожить одежду в раздевалке, подметать

двор, — и он выполнял их не без важности. Оказалось, что он довольно ворчливый старик, — особенно доставалось от него тем маленьким, у которых на пальто были оторваны вешалки. С Колей он был так же ворчлив, как с остальными, и только вдруг иногда ни с того, ни с сего подмигивал ему одним глазом, весело и лукаво.

Коля знал, что в жизни Архипова случилось великое событие: из немецкого плена неожиданно вернулась его жена. Она явилась к Архипову в землянку, и землянка ей не понравилась. И Архипов сразу же принялся строить дом. Ему было теперь для кого жить и работать.

Коля больше не чувствовал себя в школе новичком, у него появилось много товарищей. Но Стёпочки среди них не было.

Стёпочка уехал далеко-далеко, в другой город, и поступил в нахимовское училище, чтобы сделаться офицером Военно-Морского Флота.

Виталий Макарович сам написал письмо командиру крейсера, на котором служил стёпочкин папа, с просьбой прислать необходимые бумаги. Вся переписку с нахимовским училищем тоже вёл он сам. И Стёпочку приняли.

Стёпочка уговаривал Колю ехать вместе с ним и никак не мог понять, почему Коля отказывается. Он даже рассердился на него, и снова несколько дней с ним не разговаривал, и они помирились только на вокзале, в день стёпочкиного отъезда. Они помирились, но Стёпочка так и не понял, почему Коля с ним не поехал. Коля не мог объяснить ему, что нельзя оставить маму одну.

Из школы Коля каждый день шёл к маме в библиотеку. Обычно выходил он вместе с Виталием Макаровичем. Когда Виталий Макарович шёл из школы домой, его постоянно сопровождала целая стая мальчиков. Они выходили из школьных ворот, и весёлый грохот строящегося города окружал их.

Город строился весь, сразу со всех концов. Строилось новое здание горсовета, строился театр, а вокруг них уже росли скрытые лесами длинные, прямые ряды двухэтажных и трёхэтажных домов, в просторные квартиры которых должны были переехать жители землянок. Обширные пустыри над рекой очищали от кирпича и мусора, и в разрыленную землю сажали липы, клёны, пихты: там разбивали новый парк, парк Победы. На реке расширяли пристань, и паровые молоты, гулко ухая, бивали сваи в речное дно. Но особенно грандиозны были начатые работы по восстановлению взорванного моста через реку.

Взорванный мост, видный со всех концов города, носил теперь новое имя. Постановлением горсовета ему было присвоено имя колиного папы. И большая улица, которая вела к мосту, тоже теперь носила имя колиного папы. Выйдя из школьных ворот, Коля останавливался и смотрел на мост, хорошо видный над крышами домов, над вершинами деревьев. Виталий Макарович тоже смотрел на мост, смотрели и мальчики.

Коля с Виталием Макаровичем и мальчиками шёл от одного строящегося здания к дру-

гому, и возле каждого они останавливались и смотрели, что сделано за сутки, что изменилось со вчерашнего дня. Здания росли у них на глазах, и каждое изменение они горячо обсуждали, радуясь, крича и прыгая; и Виталий Макарович радовался вместе с ними. Коля давно уже заметил, что в Виталии Макаровиче, несмотря на седину в чёрных волосах, было много мальчишеского — в улыбке, в движениях, в способности увлечься.

На углу Коля прощался с Виталием Макаровичем и бежал в библиотеку. По пути он забегал в булочную за хлебом и в столовую за обедом. В библиотечный домик он теперь заходил с другого крыльца, с чёрного хода. Через читальный зал ему больше проходить не разрешалось — там была тишина, стояли столы, читатели шелестели листами книг. Две библиотекарши, мамы помощницы, бесшумно разносили книги, переговариваясь шепотом.

Коля обедал вместе с мамой. Часто с ними обедала Лиза. Она не могла больше помогать колиной маме, как прежде, потому что училась в школе. Но её тянуло в библиотеку, и после занятий она бежала сюда, захватив свои тетрадки. Пообедав, Коля и Лиза садились в углу кабинета за свободный стол го-

товить уроки. Лиза работала внимательно, долго, с необыкновенным усердием, и тетрадки у неё были удивительно чистые, украшенные пятёрками. В коалиных тетрадках, к маминому огорчению, кляксы встречались чаще, чем пятёрки. Зато Коля раньше Лизы справлялся с уроками и шёл гулять, пока не стемнело.

Но в сумерки он возвращался в библиотеку: он не хотел, чтобы мама одна шла домой в темноте. Он заходил к ней в кабинет и ждал, когда она кончит работать. Лиза сидела в углу и читала, ничего кругом не замечая. Коля тоже брал книгу и читал. Но время от времени он поднимал голову и смотрел на маму. Он любил наблюдать за ней, когда она не замечает, что он на неё смотрит. Ему нравились озабоченные движения её маленьких рук, раскладывавших карточки каталога, её приветливый, спокойный голос, нравился взмах головы, которым она откидывала волосы, упавшие на лоб. Иногда она, почувствовав внезапно его взгляд, поворачивалась к нему и улыбалась.

Потом они вдвоём шли домой по тёмным улицам. Он осторожно вёл её под руку, стараясь, чтобы она не споткнулась. Он был уже выше её ростом и знал, что должен заботиться о ней и беречь её.

Осины осенние глуше
Шуршат, от ненастья устав.
На глади озёр и речушек
Угадывается ледостав.

И только дубы, не стихая,
Трепещут, ещё не мертвы,
И дольше других полыхают
Начищенной медью листья.

То серый, то призрачно синий,
Сквозит горизонт вдалеке.
Не тает предутренний иней
На влажном прибрежном песке.

И вот уж всё чисто и сухо.
И дуб сединою покрыт,
И первая белая муха
В недвижимом пространстве летит.

Яков Хелемский

III

ебе исполнилось двенадцать или даже тринадцать лет, и вдруг тебе предлагают почитать сказку. Ты смотришь с недоумением и снисходительно усмеаешься. Сказки? Да ведь это чепуха, развлечение для малышей.

Ошибаешься: человек никогда не бывает слишком взрослым для сказки: хорошую, умную сказку можно с интересом перечитать и в пятнадцать и в пятьдесят лет. Вспомни «Гадкого утенка» или «Русалочку» Андерсена. Разве можно, прочитав эти сказки, как ни в чём не бывало, отложить их в сторону и тут же забыть? Нет, нельзя: потому что это не просто занятные истории для малышей, в них есть над чем задуматься, порадоваться и погорюстить.

Разве скучно, неинтересно было смотреть в театре «Снежную королеву»? Конечно, нет! Потому что эта сказка просто, умно и задумчиво говорит о большой правде: о том, что нельзя жить с холодным, равнодушным сердцем, о том, что настоящая любовь, верная дружба побеждают всё. И может быть, именно потому, что Андерсен рассказывал об этом в сказке, ему удалось сказать это так хорошо, так убедительно, понятно и для больших и для маленьких.

«Снежную королеву» переделал для театра советский писатель Евгений Шварц. Это вышло у него удачно потому, что он сам очень любит и хорошо понимает и Андерсена, и сказки, и ребят.

И вот недавно в Деттизе вышла книжка Евгения Шварца «Три сказки». Первая сказка называется «Два брата», вторая — «Сказка о потерянном времени», третья — «Рассеянный волшебник». Эти сказки — и особенно первая — немного похожи на андерсеновские. И я не сомневаюсь, что вам будет по-настоящему интересно их прочитать.

В первой сказке Шварц рассказывает о двух братьях, о том, как младший мешал старшему читать интересную книгу, а старший рассердился и сказал младшему: «Оставь меня в покое!» Это не простые слова, их чаще всего говорит тот, кому нет дела до других людей, кто больше всего любит сам себя и заботится только о себе. Вот почему сердитые слова старшего брата очень понравились Прадедуске Морозу, — не

тому добродушному, румяному и красноносому Деду-морозу, который всем вам знаком, который дружит с лыжниками и конькобежками и непременно участвует в новогоднем веселье, а совсем другому Морозу. Этот Прадедуска Мороз ненавидит всякий шум и веселье, всякое движение и самую жизнь. Он мечтает о том, чтобы на земле снова настали времена великого холода, чтобы всё живое обратилось в лёд и покрылось снегом, чтобы только одни голоса звучали в мире — медлительные, равнодушные голоса мамонтов: на их спокойном, неторопливом языке одно только слово надо выговаривать целых два дня...

И вот старший брат в сердитую минуту сказал младшему: «Оставь меня в покое!» — и в холодный зимний вечер выгнал его за дверь. Прадедуска Мороз превратил младшего брата в ледяную куклу и спрятал его в своём ледяном дворце, а старшего решил сделать своим слугой и помощником. Ведь он, старший, любит, чтобы его оставляли в покое, — наверно, он с удовольствием будет помогать Морозу «успокаивать», превращать в лёд всё живое, беспокойное, всё, что любит петь, двигаться, радоваться... Что же вышло из этого? Хорошим ли помощником Прадедуске Морозу стал старший брат? Оставил ли он своего младшего братишку стоять ледяной куклой в ледяном дворце? Всё это вы узнаете, прочитав книжку Шварца.

Вторая сказка — о том, как ученик третьего класса Петя Зубов незаметно для себя потерял много времени и что из этого вышло. «Оказывается, — говорится в сказке, — человек, который понапрасну теряет время, сам не замечает,

как стареет». В один прекрасный день Петя Зубов превратился в старика. Настоящие старики долго жили на свете, они много видели и много знают: один — доктор, другой — учёный, третий — мастер какой-нибудь. У настоящих стариков есть дом, дети, внуки. У Пети, пока он был мальчиком, была мама, были в школе товарищи. Но, потеряв много времени, он вдруг раньше срока стал стариком — и никто его не узнаёт, никому он не нужен. На что годится бывший ученик третьего класса, с седой бородой, но с ребячьим умом, ничего не знающий и не умеющий? Надо непременно вернуть потерянное время, снова стать мальчиком. Как Петя справился с этой нелёгкой задачей, как разыскал он ёлсе трёх своих товарищей по несчастью и с их помощью возвратил себе детство, — об этом вы тоже узнаете, прочитав книжку.

Наконец, третья сказка Шварца — о рассеянном волшебнике Иване Ивановиче. Это замечательный инженер, он умеет делать чудесные, необычайные машины — большие и маленькие, говорящие, поющие и думающие. Он даже может при помощи «уменьшительного зоологического волшебного стекла» превратить лошадь в кошку. Но при этом Иван Иванович, как это часто бывает с учёными, очень рассеян. По забывчивости он может что-нибудь перепутать, сделать совсем не то, что надо, и из-за этого иногда получают самые неожиданные и забавные происшествия. Вы, наверно, очень посмеётесь над ними, когда будете читать книжку «Три сказки».

Да, в самом деле, это очень хорошие сказки. Немало в них смешного и занятного, но, главное, много такого, что налого останется в памяти, заставит каждого из вас задуматься о себе, о своих друзьях и о своей жизни. Сказка спрашивает: а как ты, читатель, радуешься и горюешь? Как ссориться и дружить? Как бы ты поступил на месте тех, о ком я рассказываю? Сказка и забавляет, и советует, и учит, недаром сказал Пушкин:

«Сказка — ложь, да в ней намёк, Добрым молодцам урок!»

От души советую вам, ребята, и маленьким и постарше, — прочтите «Три сказки» Шварца. Уж наверно вы над ними не будете скучать!

В. Гальченко

О Т О В С Ю Д У И О Б О В С Е М

МАШИНЫ ПЯТИЛЕТКИ

Когда смотришь на работу этих машин, невольно представляешь руки скульптора. Берёт он бесформенный комок глины, делает несколько почти неуловимых движений — и вот перед тобой человеческая голова.

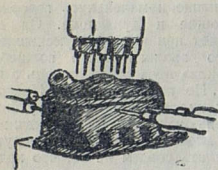
Так и автоматическая линия станков на Автозаводе имени Сталина превращает кусок чугуна в блок мотора — самую главную и важную часть машины. Стенки цилиндров, водяные рубашки, гнезда для клапанов, картер, коллектор для выхлопных газов — всё это вместе и называется блоком. Блок отливают из одного куска чугуна. Чтобы сделать из отливки блок, нужно просверлить отверстия различного диаметра и длины, расточить их, нарезать резьбу, сделать чистовую фрезеровку.

Раньше для выполнения такой работы потребовалось бы множество отдельных станков, управляемых высококвалифицированными рабочими. На автоматической линии, состоящей из шестнадцати станков, вы не увидите рабочих. Всеми станками управляют всего-навсего два человека. Они сидят перед электрическим пультом, на котором расположены сигнальные лампочки и кнопки, и наблюдают за работой станков.

536 различных инструментов одновременно работают на линии. 12 километров проводов связывают станки между собой и с пультом управления.

Отливка блока едет на транспортёре, по бокам которого настороже стоят станки. Как только деталь установится против станка, он точас делает порученную ему работу, и блок отправляется дальше. За каждым движением детали и станков следят маленькие электрические механизмы — реле. Только закончит свою работу какой-нибудь инструмент, точас реле, соединённое с ним, посылает «телеграмму» — электрический сигнал к управляющему устройству: «Я своё дело выполнил!» Этот сигнал приводит в движение следующие механизмы. Всего две минуты нужно для того, чтобы кусок чугуна превратился в блок мотора автомашины «ЗИС-150».

С каждым годом у нас будет выпускаться всё больше и больше автомобилей, и в 1950 году на наших автозаводах будут работать 12 300 агрегатных станков.

КАК БЫЛ ОТКРЫТ НЕПТУН

Ровно 100 лет назад, в ночь на 23 сентября 1846 года, телескопы многих обсерваторий были наведены на одну точку неба...

Астрономы, сидевшие у окуляров, разделились на два лагеря, и каждый из них хотел в эту ночь найти на небе подтверждение своей правоты...

Уже давно шёл спор среди учёных о том, почему планета Уран ведёт себя не так, как ей полагалось бы по законам небесной механики. Другие планеты послушно шли по орбитам, вычерченным на много лет вперёд, а Уран всё время сбивался с пути.

Французский астроном Леверье, проделав множество расчётов и вычислений, решил, что в солнечной системе должна быть ещё одна неизвестная планета, которая и отклоняет Уран с его пути.

Он определил величину планеты, вычислил её путь и указал точку в небе, где новую планету можно будет увидеть 23 сентября.

Учёные ожесточённо спорили. Одни считали, что Леверье ошибается. Другие, революционеры науки, верили, что Леверье окажется прав.

Революционная наука восторжествовала. В том самом месте, где предсказал её появление Леверье, светила новая, неизвестная планета. Её назвали Нептун... Фридрих Энгельс, говоря об этом открытии, назвал работу Леверье научным подвигом.

ПОДВИГ ВРАЧА

В середине сентября этого года в Москве, на Химкинском водохранилище, опустилась летающая лодка «СССР Н-338».

В числе пассажиров машины, только что прилетевшей из Арктики, был гвардии капитан медицинской службы П. Н. Буренин.

Почти четыре месяца назад капитан Буренин вылетел из Москвы, и за это время с ним произошло столько интересных событий, столько приключений, что другому хватило бы на всю жизнь...

Далеко за Полярным кругом, за много тысяч километров от Москвы, случилось несчастье: зимовщик полярной станции Земли Бунге гидролог Беляков во время охоты поранил себе лицо.

По радио сообщили в Москву: рана серьёзная, нужна хирургическая помощь, а вывезти раненого полярника нельзя. К Земле Бунге в это время года не могут подойти ни пароход, ни собачья упряжка, не может там сесть и самолёт — на острове нет посадочной площадки.

И вот врач-хирург капитан Буренин собрал инструменты, сел в Москву на самолёт и полетел в Арктику спасать жизнь советского человека, попавшего в беду.

Три дня мчался самолёт к Земле Бунге. Радиомаяки вели его по воздушной дороге, и вот, наконец, радист самолёта поймал в наушники голос радиостанции Бунге... Вот показался и сам остров. Вот виден дымок зимовки... А сесть нигде: на море битый лёд, на берегу скалы.

Тогда Буренин проверил крепление парашюта, попрощался с экипажем самолёта и прыгнул.

Он дёрнул кольцо, парашют раскрылся и вдруг затрепетал как флаг, парашютист камнем полетел вниз. Буренин взглянул вверх и увидел, что парашют провалился. Он снова поспешно дёрнул за кольцо, и над головой раскрылся купол запасного парашюта. Ветер отнёс Буренина к морю, и он очутился в воде, которая образовалась на льду. Около километра прошёл он пешком по поясе в воде и наконец добрался до берега.

Операция прошла благополучно. Жизнь Белякова была спасена, и вскоре он снова взялся за работу.

А врач? Выбраться с земли Бунге ещё труднее, чем попасть туда...

Других пациентов на зимовке не было, и, чтобы не сидеть без дела, хирург на время сделался поваром и механиком.

Пятьдесят четыре дня спустя льды расступились, к острову подошло гидрографическое судно «Ост» и вывезло с острова отважного хирурга в бухту Тикси. Оттуда на самолёте он вернулся в Москву.

ГОЛОС МОРЯ

На южном берегу Крыма расположена Черноморская гидрофизическая станция Академии наук. Сотрудники этой станции изучают жизнь моря во всех её проявлениях: морские волны, штормы, морское дно, обитателей морских глубин.

В 1932 году сотрудник станции, пускавший с лодки резиновые шары, наполненные водородом, случайно приблизил лицо к шару и тотчас же почувствовал сильную боль в ухе. Он несколько раз намеренно повторил этот опыт, и каждый раз в ухе возникало неприятное ощущение.

Учёные заинтересовались этим явлением. При помощи очень точных приборов им удалось установить, что оболочка шара во время этих опытов совершает 5—10 колебаний в секунду.

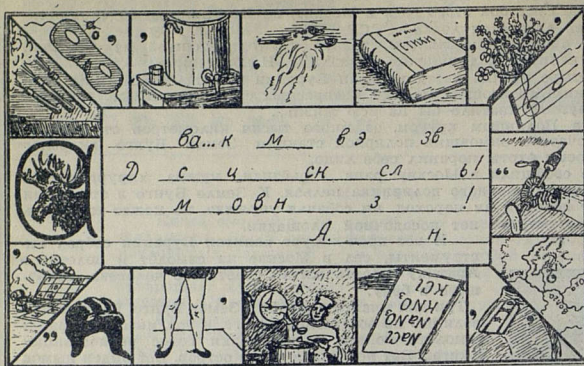
Море всегда волнуется. Над морскими волнами образуются воздушные волны — сгущения и разрежения воздуха. Эти колебания воздуха над морем и улавливала оболочка шара. Мы воспринимаем, как звуки, более частые колебания — от 20 до 20 тысяч в секунду. Оболочка шара улавливает «неслышимые звуки».

Советский учёный В. В. Шулейкин сконструировал особый прибор, улавливающий эти колебания, прибор, который поможет предвидеть надвигающийся шторм.

Это первая в мире установка, которой море неслышимым голосом рассказало свои секреты, столь важные для всех моряков, уходящих в море.

Загадки, задачи, головоломки

Встречные поезда

Из Москвы в Ленинград через каждый час отходит поезд и прибывает к месту назначения ровно через 12 часов, из Ленинграда в Москву в 12 часов ночи выезжает пассажир на поезде, который проходит все расстояние также ровно в 12 часов. Сколько встречных поездов попадётся пассажиру, едущему в Москву, за всё время его пути?

Вопрос такого рода был задан известным французским математиком Эдуардом Люка целому съезду математиков, и почти все они, не подумав, дали неверный ответ.

Задача эта легко и наглядно решается графически. Попробуйте решить её и припilate свой ответ нам.

Ребята, в этом тексте много букв стёрлось. К счастью, все знаки препинания сохранились. Восполнить буквы вам помогут ребусы, которые надо читать, начиная с левого верхнего угла. Как только вы прочтёте, пожалуйста, напишите нам скорей, что здесь написано.

Как я выигрываю?

Есть такая игра: один говорит любое число меньше десяти, второй прибавляет к этому в уме какое-нибудь другое число, но тоже не больше десяти, и говорит сумму. Потом снова первый говорит новую сумму. И так до тех пор, пока не получится в сумме 100. Выигрывает тот, кто скажет сто.

Если начинать мне, — я берусь выиграть наверняка. Если начинать тебе, — я почти наверняка выиграю

Догадайся, как я это делаю.

Задача-шутка

В коробке лежало 7 конфет, нужно разделить их на 7 человек, но так, чтобы всем досталось по конфете и в коробке осталась одна конфета.

СОДЕРЖАНИЕ

В дни Октября — А. С. Аллилуева	1 стр.
О пионерской чести — Трижды Герой Советского Союза А. И. Покрышкин	6 .
Повесть о сыне — Ел. Кошечая. Рис. Ф. Лемкуля	9 .
Аркадий Гайдар — Б. Емельянов. Рис. В. Целлера	18 .
Победа стального шарика — А. Некрасов. Рис. Ф. Лемкуля	23 .
У московских причалов — Н. Андреев	28 .
Страничка творчества наших читателей	30 .

Серебряный остров — Окончание. Повесть Н. Чуковского. Рис. Б. Винокурова	31 .
«Три сказки» Евг. Шварца. Библиография — В. Гальченко	37 .
Отовсюду и обо всем	38 .
Загадки, задачи, головоломки	40 .
Почтовый ящик	III п. обл.
Гимнастическое «восьмиборье» — В. Яковлев. Рис. А. Брея	IV п. обл.

На обложке: рисунок лауреата Сталинской премии Л. Голованова „Молодогвардеец“.

Редколлегия: Алякринский П. А., Баканов Н. А., Ершов Г. А., Ильина Н. В. (отв. редактор), Каверин В. А., Кассиль Л. А., Орлов В. И., Смирнова В. В., Соловьёв А. Д.

Подписано к печати 26/XI—46 года.

Изд. № 701.

82×110.

А—08639.

76 999 печ. вк. в печ. листе, 5 печ. л.

Тираж 37500.

Заказ 2203.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Переписка читателей „Пионера“:
письма, сообщения, советы, вопросы

В пруду Московского зоопарка, а иногда и в Москве-реке я видел рыб с обесчелюпанными хвостами. Они плавают, двигая обнажённой хвостовой частью своего костяка.

Смотрел я на этих больших и маленьких плотвичек и пескарёв и удивлялся: что за странная болезнь напала на рыбёшек?

А иногда я видел жука-плавунца, сидящего на такой рыбке. Неужели это он её обглодал?

Прошу объяснить мне, в чём загадка этого странного явления.

г. Москва

Вячеслав Ширяев

**СЛАВЕ ШИРЯЕВУ ОТВЕЧАЕТ ПРОФЕССОР
ГЕОРГИЙ СЕРГЕЕВИЧ КОРЗИНКИН**

У рыб, особенно у мелких, очень много врагов. Одни из них такие крохотные, что их можно видеть только в микроскоп, другие — побольше, третьи — совсем крупные.

Плавунца, которого Слава видел на больших рыбах, не поймать здоровою, крепкою, подвижною рыбкой. Он для более крупных рыбёшек опасен только тогда, когда они уже ослаблены другим, невидимым врагом. Этот невидимый враг — микроскопический грибок сапролегнии.

Кто наблюдает за жизнью в воде, вероятно, замечал не раз рыбок вялых, малоподвижных, с чешуёй, утерявшей блеск и окраску, словно покрытых голубовато-серым налётом плесени. Это рыбки, поражённые сапролегнией.

У них на теле мало-помалу появляются язвы, которые доходят до костей. Вполне вероятно, что рыбки, которых видел Слава, «обглоданы» невидимым глазу грибом сапролегнии.

А жук-плавунец, вцепившийся в рыбку, просто воспользовался случаем, что она болная и слабая и не может быстро плавать.

Рыбке, попавшей в лапы плавунца, осталось жить минуты: хищник быстро убьёт её. Но и без плавунца, от сапролегнии, она поедобна бы, только медленнее.

Сапролегния поражает не всякую рыбку. Она появляется на теле пораненных рыб. Если поранены нежные ткани тела рыбки, сапролегния тут как тут. Вот и выходит, что рыб, о которых спрашивает Слава, постигла тройная беда: сперва они получили какое-то механическое повреждение, потом на них поселилась сапролегния, и, наконец, больные и слабые рыбки попали в лапы хищного, прожорливого плавунца.

У меня и моего товарища Димы Хаминова есть самодельный телефон. Правда, мы не сразу додумались, как его сделать. Сначала мы просто переключались друг с другом через двор, высываясь в окна, потом стали сигнализировать по азбуке Морзе при помощи 4-вольтовой лампочки с отражателем, потом устроили телеграф, а уж в этом году сделали телефон.

Всё, что нужно для такого телефона, мы или купили в магазине или сделали сами. Трудно было найти медный провод длиной в 100 метров, но и его мы достали. Электричество мы берём из двух элементов «ЗС-Л-30». Мы сами сделали микрофон и приспособили радионаушники, а через трубы парового отопления устроили заземление. Включаем телефон мы самодельным рубильником.

Сейчас мы с Димой совершенствуем свой телефон: делаем звонок. А на очереди у нас электропароход, управляемый по радио.

г. Москва

Владимир Крылов

Дорогая редакция!

В этом письме мы хотим рассказать о нашей работе, начатой ещё весной. Мы решили озеленить своё село.

В апреле под руководством вожаковой организации пионерскую бригаду, пригласив все необходимое, и работа началась. В нашем селе девяносто дворов. В каждом дворе наша бригада посадила по шесть деревьев да на школьном участке тридцать. Наши саженцы принялись, только двенадцать деревьев погибло. Скоро наше село будет утопать в зелени.

Пионеры Богородской школы, Ка-
захская ССР, Павлодарская обл.

По рассказам старых людей, наш посёлок существует совсем недавно. Каких-нибудь тридцать пять лет назад в этих местах были только дремучий лес да топкие болота. Только кое-где вдоль жвазельной дороги жили люди. Но жили они необыкновенно бедно. Избы их были без труб, дым шёл через двери, вместо керосиновых ламп жгли лучину. Здесь очень долго не знали, что такое помидоры, и не ели их.

Большим посёлком Зелёный Дол стал уже при советской власти.

Уже давно нет непроходимых болот. Они осушены, и из них добывается торф. На нашей улице тоже было болото, но сейчас даже и непохоже на это. Теперь при железной дороге выстроены станция и депо, а от Волги к лесопильному заводу проведена узкоколейка и по ней мотовоз возит дрова.

Есть ещё в нашем посёлке кирпичный и шпальный заводы, школа, клуб, больница. Давно уже в каждом доме есть электричество, и у многих — радио.

Гена Трошин
Татарская АССР, станция Зелёный Дол

Гимнастическое "ВОСЬМИБОРЬЕ"

1

2

3

4

5

6

7

8

1

2

3

4

5

6

7

Здесь, на рисунках, вы видите восемь совсем несложных упражнений, но не все из нас сразу, без подготовки, смогут выполнить их правильно. Выключите по нескольку таких упражнений в утреннюю зарядку, а через две-три недели проведите в зале состязание. Победителем окажется тот, кто наберёт больше очков (за каждое правильно выполненное упражнение засчитывается одно очко). Потом можно провести соревнование зрельных «чемпионов» на первенство отряда по гимнастическому, «восьмиборью».

Как делать эти упражнения, вы поймёте из рисунков. 1. «Воротца». Следите, чтобы не сгибались колени в то время, когда ладони дотронулись до пола. 2. «Качалочка» для мальчиков и «баранка» для девочек делаются из положения лежа на груди. 3. «Пружинка» и «берёзка» делаются из положения лёжа на спине. 4. «Маяк» (стать на одно колено и, опираясь на локти, вытянуть вверх ногу; смотреть при этом в сторону) и «стрелка» (стоять на правом колене, опираясь на правую руку). 5. «Кувырок» с табуретом и «кувырок» вперёд. 6. «Присядка» и «балеринка». 7. «Стойка» и «состизна». 8. Прыжки (во время полёта ноги и руки врозь).